

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Дарья Калинина

Куда
исчезают
поклонники?

СЕРИЯ

Сыщицы-любительницы Мариша и Инна

Дарья Калинина

Куда исчезают поклонники?

«ЭКСМО»

2008

Калинина Д. А.

Куда исчезают поклонники? / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2008 — (Сыщицы-любительницы Мариша и Инна)

Вика не сомневалась: у любимой бабушки от внучки нет секретов. Но секрет был, да еще какой! Оказалось, ее родной дедушка вовсе не бабулин муж, а автор нежных писем, случайно найденных в старом чуланчике. Всю жизнь бабушка оставалась для него «солнышком», хотя почему-то женился он на другой женщине. Заодно выяснилось, что бабушка с дедушкой умерли в один день. Оба попали под машины в разных районах города. Возможно их убили, причем одни и те же люди. Вика на пару с подругой Маришей пытаются распутать эту историю. Дело осложняется смертями новоиспеченных родственников Вики, претендовавших на наследство деда. Это уже явный беспредел! Пора вершить правосудие!..

© Калинина Д. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Калинина

Куда исчезают поклонники?

Глава 1

Денек выдался так себе. Даже, прямо сказать, скучный получался денек. Как с раннего утра зарядил проливной дождь, так и лил до самого обеда. И что прикажете делать в такой день? Гулять по улице, портить свои новые босоножки и превращать очень удачно приобретенный недавно шелковый нежно-бирюзовый костюмчик в половую тряпку? А про сделанную в салоне прическу после такого дождя можно вообще забыть. Да и простуда тут как тут явится. И что с того, что на дворе лето? Насморк, он и летом случается, особенно когда сырость просто пронизывает насквозь.

Нет уж, если есть возможность, то лучше пересидеть непогоду в тепле, уюте и комфорте родной квартиры. Вкусно позавтракать, поваляться на диване, посмотреть по телевизору про теплые страны, где жара и негры ходят почти голые. И немножко позавидовать им. А еще можно позавидовать жителям Западной Европы. Почему у них вечно тепло и люди летом купаются даже в городских фонтанах? И мечтают хотя бы о слабеньком дожде? А у нас если уж дождь, то льет как из ведра, но никого это не радует!

Одним словом, до обеда Вика прожила в состоянии сонного оцепенения. Но пообедала она с большим аппетитом. Мамины блинчики с мясом и сметанкой были хороши в любую погоду. Так что Вика умяла целых пять штук. И снова переместилась на диван.

Телевизор надоел. Она взяла любовный роман и попыталась читать. Но роман был тоже так себе. Героиня невыносимо страдала от одиночества до самой тридцать первой страницы, где она наконец познакомилась с героем своей мечты и стала страдать уже от неразделенной любви. То есть она думала, что любовь у нее неразделенная. А на самом деле тот буквально сходил с ума по ней. Но признаться, олух этакий, не решался. И мало того, что не признавался, так он еще и делал все, чтобы его любимая ни в коем случае не заподозрила, насколько он ее обожает. Хамил ей, говорил гадости, подчеркнуто не замечал, крутил на ее глазах романы с другими женщинами. И так на протяжении еще ста страниц.

Ясное дело, героиня переживала, мучилась, страдала, а потом решила взять себя в руки и закрутила роман с выдавшим виды, но красивым злодеем. Вот тут-то наш герой спохватился, да, увы, поздно. Его самого окрутила какая-то предприимчивая стерва, судя по всему, родная сестра того самого выдавшего виды злодея. Злодей и злодейка страшно мешали героям поговорить по душам и наконец-то воссоединиться в счастливом браке. И дело уже катилось к настоящей драме, когда Вика наконец плюнула на этих двух влюбленных друг в друга идиотов. И отшвырнула книжку в сторону.

– Кретины! – возмутилась она. – Мне бы только встретить своего суженого, уж я бы не оплошала. И мямлить бы тоже не стала. Сразу же сказала бы ему: милый, я тебя люблю, ты меня тоже любишь, так чего время зря терять? Пошли они все на фиг, а мы с тобой – под венец.

Таким образом, Вика была человеком действия. Отвлеченные размышления были ей чужды. Она привыкла реально мыслить и четко действовать. А вынужденное безделье буквально убивало ее.

– Хотя бы погода улучшилась! Я бы в магазин сходила.

Когда стало смеркаться, а дождь все лил, терпение Вики лопнуло.

– Пропади оно все пропадом! Целый день дурью промаялась! – возмутилась Вика, решив заняться хотя бы уборкой. Увы, даже тут ее ждало разочарование. Мама у Вики была просто

образцовой хозяйкой. И уехала с папой на Черноморское побережье Кавказа со всеми его престелыми только вчера. Вика на Кавказ лететь отказалась.

Дело в том, что родители отправились не столько отдыхать, сколько к своим друзьям на свадьбу их сына. У Вики с этим парнем в прошлом году случился маленький курортный роман. Маленький-то маленький, но видеть, как бывший кавалер предпочел ей другую девицу и даже женится теперь на ней, Вика не хотела. Ей и без того неприятностей в личной жизни хватает. К чему травмировать себя добровольно?

– Да еще подарок этому мерзавцу дарить! Нет уж, не дождется он от меня подарка!

К слову сказать, злилась Вика совершенно напрасно. Скорей всего, молодой человек поступил совершенно правильно. Потому что еще прошлым летом Вика совершенно четко сказала ему, что замуж она за него не пойдет, поскольку у него всего лишь двухкомнатная квартира на окраине Адлера. А ей хотелось бы жениха с квартирой раза в два больше. И не в Адлере, а в Москве или, на худой конец, в любой европейской столице, хоть в Париже, хоть в Вене, хоть в Мадриде. Она не привередлива.

И вот теперь родители улетели. А Вика осталась одна в пустой квартире маяться от безделья. И еще у Вики был отпуск. Целых две недели отпуска! Когда Вика уходила с работы, стояла страшная жара. Но уже на следующий день похолодало, а потом и вовсе пошел вот этот дождь.

– Все, как и следовало ожидать, – философски заметила Вика, призывая себя не расстраиваться.

Но чем бы все-таки заняться? И тут взгляд девушки упал на чуланчик, забитый всевозможным барахлом. Вот оно – необозримое поле для выхода ее накопившейся за день энергии! Насколько Вика знала, в этот чуланчик складывали всякий хлам с незапамятных времен. Во всяком случае, сколько она себя помнила, столько туда совали барахло.

Конечно, время от времени чуланчик чистили. Выкидывали ставшие совсем уж ненужными вещи – поеденную молью шаль, испорченный плесенью плащ, прихваченную из супермаркета корзину, в которой предполагалось таскать на даче сорняки от грядки до компостной кучи, но которая до дачи почему-то так и не доехала. Почему, Вика могла объяснить запросто. Появилась у них эта корзинка осенью, а за зиму и весну ее так основательно загромождили всяким хламом, что весной про ее существование просто забыли. А когда все же нашли, то дача была уже продана.

Итак, вместо совсем уж пришедших в негодность вещей в чулан запихивали другие, тоже негодные, но в отношении которых теплилась надежда, что они могут еще пригодиться. Но вот до самых глубоких недр чуланчика никто не добирался. Может быть, еще бабушка, когда была жива, туда и заглядывала. Но она, увы, скончалась год назад. А мама Вики, какой бы хорошей хозяйкой ни была, предпочитала поддерживать порядок на поверхности. Что творится во всяких там недрах квартиры, ее мало заботило.

И вот теперь Вика, полная самых благих намерений, решила продолжить дело своей любимой бабули.

– Разберу чуланчик, мама приедет, ахнет!

И, засучив рукава, Вика принялась выгружать из чуланчика залежи хлама. Тот факт, что часы показывали уже восемь вечера, Вика не смущал. Она была «совой». Так что трудовой энтузиазм у нее повышался по мере того, как день клонился к вечеру. Сейчас Вика была бодрa, свежа и энергична. А вот рано утром она клевала носом и в выходные редко когда вылезала из-под одеяла раньше одиннадцати-двенадцати часов дня.

Первый ряд хлама был Вике хорошо знаком. Вот швейная машинка, еще хорошая, но отправленная в ссылку, поскольку была куплена другая, куда более навороченная. Вот электрочайник, грех которого состоял в том, что на его спирали образовался слой известкового налета, а на стенках осела ржавчина. Казалось бы, подумаешь, ржавчина! Подумаешь, налет!

Прокипяти воду с уксусом, и чайником можно будет пользоваться еще много лет. Но мама Вики считала, что старую вещь лучше выкинуть, чем возиться с ней.

– Чайник морально устарел! – заявила она и купила новый.

Потом оказался детский велосипед Вики (чего выбрасывать, скоро Вика выйдет замуж, внуки пойдут, вот велосипед и пригодится!). За ним следом поднос с чуть потрескавшейся эмалью, несколько цветочных кашпо, табуретка с расшатавшимися ножками, ворох кофточек, блузочек, брючек и обуви, еще годной и крепкой, но, увы, вышедшей из моды. И еще куча барахла того же рода.

Вещей, которые в цивилизованной Европе без всяких угрызений совести выбрасывают на помойку, а мы бережно храним, надеясь, что придет день, когда все эти тряпочки нам понадобятся, и одновременно ужасаясь тому, что этот день действительно когда-нибудь придет.

Но после слоя хорошо знакомых Вике вещей пошел куда более старый и поэтому интересный. Тут для Вики было уже много настоящих находок! Вот, например, какой чудесный отрез бархатистой ткани. Потрясающе! Похоже, кто-то из ее предков прихватил из школы флаг дружины. Развернув его, Вика прочитала вышитые золотом слова: «Пионерия! Комсомол! Слава КПСС!»

– Шикарная ткань, как раз мой цвет, – задумчиво пробормотала Вика, оборачивая знамя вокруг себя и прикидывая, хватит ли ей на юбочку или хотя бы топик.

Знамя Вика с некоторым сожалением, но все же отложила в сторону. Ведь в чуланчике было полно других, еще более увлекательных вещей. Игрушечный барабан, толстый альбом со старыми фотографиями, красивая бабочка в рамке под слегка треснутым стеклом, часы с кукушкой. Тут даже нашлись бабушкины босоножки на толстой платформе.

– Прелесть! – воскликнула Вика.

В хорошей обуви она знала толк. И сразу же поняла, что когда-то очень давно эти босоножки были безумно хороши и стоили, должно быть, немало. И главное, были они явно не отечественного производства. Вика еще помнила изделия отечественной обувной промышленности: калоши, тряпочные тапочки, кеды и уродливую обувь с топорными круглыми носами.

Босоножки были словно из другой жизни. Из той, где упоенно скакали, распевая, две пары из «АВВА», где подавались в ресторанах напитки с крошечной оливкой на краю бокала, где по ковровым дорожкам ступали разные знаменитости...

– А бабуля любила пофорсить! Моя бабушка – и модница!

В памяти Вики бабушка осталась именно бабушкой. Уютной, доброй и домашней. Но ведь иногда (и это Вика тоже прекрасно помнила) она красиво одевалась, красила губы, подводила глаза. И, тряхнув уложенными в парикмахерской кудрями, отправлялась куда-то. Куда? Этого маленькая Вика знать не могла. Но теперь, будучи взрослой девушкой, имеющей кое-какой собственный опыт походов на свидания, она могла сказать: бабушка отправлялась именно на свидание с мужчиной.

– Интересно, с кем это?

Насколько Вика знала, ее родной дедушка умер задолго до Викиного рождения. В детстве она всегда сожалела, что у нее только один дед. Папин дед был высокий хмурый старик, не испытывавший к маленькой внучке ни малейшей привязанности. Он только сердито фыркал, если она нерешительно подходила к нему с каким-нибудь своим детским вопросом или бедой. К счастью, виделись они нечасто. Только по выходным дням, да и то не каждую неделю.

А вот с маминым отцом, вторым ее дедом, Вика была уверена, она нашла бы общий язык. На старых фотографиях, которые показывала Вике бабушка, у него было открытое доброе лицо и хорошая улыбка. Он бы не стал фыркать на внучку. Только умер он слишком рано. Вика его даже не застала в живых.

– Значит, у бабушки был еще кто-то уже после смерти деда, – прошептала Вика. – К этому человеку она и ходила на свидания. В босоножках!

Вика хмыкнула. И полезла дальше. Дальше находился какой-то огромный чемодан, обтянутый потрескавшейся кожей. Он лежал на самой верхней полке в глубине, так что Вика изрядно намучилась, пока подтащила его к краю.

– Уф! Тяжеленный какой! Кирпичи там, что ли?

А потом случилась и вовсе катастрофа. Древний чемодан был еще тяжелей, чем представлялось Вике. Или она просто не рассчитала свои силы. Но так или иначе, чемодан полетел вниз. И потянул за собой с табуретки Вику, не сообразившую вовремя отпустить ручку.

Чемодан ударился об пол с таким грохотом, словно произошел взрыв. А следом за ним приземлилась и Вика, тоже девушка довольно крупная.

– Бу-уммм!

Гулко разнеслось по всему дому.

Некоторое время Вика лежала, не шевелясь. Не в силах поверить, что осталась жива и даже, кажется, почти совсем ничего себе не повредила. Конечно, у нее болел бок, два ребра подозрительно скрипнули, когда она попыталась встать. Болело ушибленное колено. И ныла рука от локтя до плеча. Но в общем и целом ничего ужасного.

– Могло быть и хуже! – простонала Вика и злобно пнула чемодан.

Этого нового удара старенькие замки не выдержали. И крышка чемодана услужливо откинулась перед Викой.

– Ну и что? Что ты хочешь мне сказать? Я тебя должна еще и разбирать? После всего, что ты тут устроил?

Чемодан молчал. А Вика, помимо воли, присела рядом.

– Ладно уж, – проворчала она. – Посмотрю. Вдруг там у тебя действительно есть что-то интересненькое.

Увы, ничего интересного чемодан не содержал. Клубки с шерстью, которые бережно сма- тывала и хранила ее бабушка. Незаконченное вязанье с воткнутыми в него спицами. Вика присмотрелась – это был детский джемпер. Видимо, бабушка начала вязать его для Вики. А потом родители купили ей настоящий, магазинный. И обиженная бабушка свое вязанье отложила насовсем.

Еще тут был мешок со старыми колготками, в которых на их тогдашней даче хранили выращенный на грядках лук и чеснок. Были тут удивительные лифчики на пуговицах. И Вика долго вертела их перед носом, пытаясь понять, как можно быть таким идиотом, чтобы скон- струировать лифчик с целым рядом огромных костяных пуговиц на спине. Они же будут выпир- ать из-под любого мало-мальски облегающего платья!

– Кошмар!

Еще тут были какие-то неинтересные, действительно изрядно поношенные платья и кофты. И пачка писем. Вот к письмам руки девушки почему-то потянулись сами собой.

– А это еще что?

Вика взяла письма и задумалась. В чемодане были только личные бабушкины вещи. Письма лежали на самом дне. Логично предположить, что и письма эти тоже принадлежали бабушке. Но почерк был совсем не ее – мелкий, бисерный. А бабушка писала крупными бук- вами с наклоном влево. Тем не менее письма были перевязаны розовой лентой, и сверху была приложен высушенный цветок лесной фиалки – любимый бабушкин цветок.

– Как странно, – пробормотала Вика. – Кто мог писать бабушке?

Судя по пожелтевшей бумаге и по тому, что некоторые письма были без конвертов, а просто свернуты в треугольник, Вика поняла, что они приходили еще во время войны.

– От дедушки? Нет, за дедушку бабушка вышла замуж уже после войны. Это я помню. Но ведь, с другой стороны, они могли быть знакомы и раньше, просто поженились после войны!

И, уже не колеблясь, Вика прижала письма к груди. И, забыв про развал у себя в при- хожей, устремилась с ними в комнату. Зачем? Очень просто. Она собиралась прочесть эти

письма. Конечно, кто-то мог сказать, что не очень-то хорошо читать чужие письма. Но Вика оправдывала себя тем, что письма были от ее дедули к горячо любимой бабуле. Почему-то Вика была уверена, что у человека с фотографий, которые ей показывала бабушка, не могло быть ни от кого никаких тайн. Слишком он был для этого прост и открыт.

Удобно устроившись на диване с ногами и подложив себе под спину несколько подушек, Вика принялась разбирать строчки, исписанные ровным, мелким, но в то же время очень четким и почти каллиграфическим почерком. Очень скоро она поняла, что эти письма никак не от дедули. Тот был не только на фотографии человеком простым. Он и в жизни был таким. Родился в деревне. Работал сначала в совхозе, а после войны пошел токарем на завод. Университетов, как говорится, не кончал. А сумел закончить только шесть классов школы, надо было работать.

А человек, писавший бабуле эти письма, был, несомненно, образованной, начитанной и очень эрудированной личностью.

Вика читала и поражалась. Мужчина явно обожал ее бабулю. Не просто любил, именно обожал. Страстно, нежно, неистово. И эта страсть, эта любовь, это обожание сквозили в каждой строчке его посланий. И у Вики мелькнула крамольная мысль. Почему же ее бабушка не бросила своего простачка и не вышла замуж за этого интересного человека? Не любила? Просто флиртвала? Нет, не похоже, что это был простой флирт. Тут речь шла о настоящих чувствах.

«Мой дорогой человечек, – писал этот мужчина, – моя радость, моя птичка! Ты себе не представляешь, как я скучаю по тебе. Дни без тебя кажутся серыми и унылыми. Я знаю, что на улице светит солнце, выхожу, надеюсь хоть немного развеяться. Но меня его лучи не греют. Без тебя вокруг только черно-белый мир. Ты – мое единственное солнышко. Ты – моя цветная радуга. Ты – мое счастье! Ты – моя радость! Ты – моя единственная любовь навсегда!»

Читая эти строки, Вика, которая никогда в жизни не получала подобных посланий, невольно испытала легкую зависть. И что такого представляла из себя ее бабуля, что ей писали такие письма? Или дело не в ней, а в том мужчине? Он так умел видеть? Так глубоко и богато чувствовать? Но почему же, почему в таком случае он не был со своей, как он говорил, цветной радугой? Почему допустил, чтобы бабушка жила с дедулей, человеком хорошим, но очень уж простым.

А ведь ее бабушка, Вика это прекрасно помнила, не была деревенской пастушкой-простушкой. У бабушки имелись несколько хаотичные, но обширные познания во многих областях. Она неплохо музицировала, знала два языка – немецкий и французский, русскую и зарубежную литературу. Одним словом, была человеком образованным и начитанным. В отличие от своего мужа.

– Как странно, – в который раз задумалась Вика над тем, что же за человек была ее бабуля.

Но мысли ускользали от нее. И Вика снова взялась за письма. Теперь она рассеянно перебирала их. Вот годы войны, вот война закончилась. Вот письма стали приходить откуда-то из Средней Азии, затем адреса еще несколько раз сменились. Последние письма приходили уже из Ленинграда. Почти через четверть века странствий по стране этот человек наконец перебрался в бабушкин родной город. И больше писем от него не приходило.

Почему? Вика догадывалась, почему. Нужда в них просто отпала. Бабушка жила в Ленинграде, ее любимый мужчина жил там же. Так что любовники наконец могли видеться. И мужчина мог сказать бабушке при личной встрече все то, что прежде излагал на бумаге.

– Так вот с кем встречалась моя бабуля, – прошептала Вика, снова припомнив, с каким волнением и радостью одевалась и готовилась ее бабушка к очередному свиданию.

И снова загадка! Почему эти двое не поженились? Ведь к этому времени, когда Вика начала помнить себя и мир вокруг, ее дедушка – муж бабули уже скончался. Как объясняла бабушка Вике, от тяжелой чахотки, и как шептались родители за спиной бабушки, от горького пьянства. Итак, любящий заложить за воротник токарь исчез со сцены. Однако обожаю-

щий бабушку любовник так и не вышел на подмостки. Хотя место главного персонажа было вакантно. И бабуля, Вика в этом ни секунды не сомневалась, с радостью бы согласилась на такую замену.

– Почему же они не поженились? И в дом его бабушка никогда не приводила. Почему?

Надеясь найти разгадку, Вика продолжила листать письма. Отгадка нашлась в пятом по счету письме, которое она прочитала. Там бабулин любовник невнятно объяснял что-то про обстоятельства, которые вынудили его, молодого и перспективного, вступить в брак с некоей особой. Не с бабушкой, как без труда догадалась Вика. Что это были за обстоятельства, Вика не знала. О них герой-любовник бабушкиного романа писал, увы, невнятно.

– Так он был женат! – ахнула Вика. – Женился во время войны. А на ком? И зачем?

Судя по дальнейшим письмам, которые продолжали регулярно приходить к бабуле, ее любимый семейного счастья в браке не обрел.

– И тем не менее жена у него имелась. И он не хотел ее бросать.

Впрочем, ведь и у бабули имелся ее дедуля-токарь. Она вышла за него замуж вскоре после войны. Не бог весть какая партия, но по тем временам, когда мужики были на вес золота, очень даже неплохо. У Вики даже голова кругом пошла. У бабули был муж, которого она не хотела бросать. А перед этим ее любимый женился, исходя из каких-то обстоятельств. Однако эти двое – бабушка и ее мужчина – продолжали любить друг друга. И о том, чтобы расстаться, даже и не помышляли.

– Вот это страсти, – завистливо вздохнула Вика. – Потрясающе!

И углубилась в чтение писем. Одно из них заставило ее вздрогнуть. В нем шла речь о ее маме. Этот бабушкин любовник расспрашивал ее о дочке. Причем писал он так: «Как там растет наша девочка? Видел ее фотографию, которую ты мне прислала. Она настоящая красавица! Ты не поверишь, но она просто вылитая моя покойная мать в молодости. Я увидел доченьку и просто остолбенел. Вроде бы и раньше видел нашу Олечку много раз, но в этот день, с этой ее новой прической, в новом платье, ее сходство с моей матерью, с бабкой, меня буквально поразило! Одно лицо, просто одно лицо!»

Как поразили саму Вику эти строчки, нельзя было и передать. Сначала она сидела, словно громом оглушенная. А потом принялась вчитываться в строки, надеясь, что просто чего-то не поняла, ошиблась. Нет, все верно, так и написано: «Сходство с моей матерью, с ее бабкой!» Чернила немного выцвели, но разобрать вполне можно. Ошибки никакой нет. Олей, Олечкой звали мать Вики. Видимо, про эту Олечку и писал бабушке ее любовник. Называя Олечку своей девочкой. Дочкой! И сходство усмотрел между Олей и его матерью.

– Его матерью! – прошептала Вика. – Маминой бабкой! Стало быть, моей... моей прабабкой. Не может быть! Господи, что это значит?!

Она схватила письмо и принялась жадно читать дальше. Теперь ее к этому подталкивало не простое любопытство, а настойчивое желание докопаться до истины. Вике повезло. Бабушкин любовник принялся описывать, как его сестра совсем не была похожа на мать, а вот его дочка вылитая копия его матери в молодости. Просто удивительно, как иной раз причудливо складываются человеческие гены.

Вот тут у Вики голова окончательно пошла кругом. Если верить этому письму, то ее дедушка-токарь и бывший колхозник – вовсе и не ее дедушка! И он вовсе не отец ее мамы. А отец ее мамы и, следовательно, Викин дедушка – автор этих строчек.

– И он маму видел! – прошептала Вика. – А может быть, и меня! Много раз! Господи!

Широко раскрытыми глазами она смотрела перед собой и видела высокого, широкоплечего мужчину в сером, свободного покроя пальто и мягкой шляпе, который, застыв на одном месте, не сводил с нее взгляда своих печальных глаз, не решаясь подойти, не решаясь приласкать или даже просто заговорить со своей внучкой.

У Вики даже слезы навернулись.

– Бедный! Как он страдал!

И волна жалости к неизвестному ей деду буквально захлестнула ее. Но тут же на смену эмоциям пришел голос разума. А почему, собственно, спросил он, почему твой дед страдал? Мог бы развестись с женой и настоять, чтобы бабушка вышла замуж за него. Но он этого не сделал. Значит, было в этой жизни что-то куда более важное для этого человека, чем любимая женщина, родная дочь и внучка.

Но несмотря на это, Вика не могла возненавидеть бабушкиного любовника. В тех строках, которые ей удалось прочитать, она увидела нежного, любящего и очень несчастного человека.

– Бедный! – повторила Вика. – Всю жизнь боялся признаться мне и маме в том, что мы ему родные.

И тут же новая мысль посетила Вику. Он-то боялся, а вот она не побоится! Возьмет и пойдет в гости к своему деду. По крайней мере, взглянет ему в лицо, посмотрит, что он за человек на самом деле. Может быть, он был и на похоронах бабули. Вике уже казалось, что она даже смутно его помнит. Высокого, широкоплечего, с грустными глазами. Почему она представляла себе деда именно таким, девушка сказать не могла. И ей очень хотелось узнать, какой же он на самом деле.

– Решено! – подхватила Вика. – Пойду! Прямо сейчас!

Но ее стремительный порыв быстро угас, когда она взглянула на часы. Половина второго ночи. Пожалуй, в такое время являться в гости, пусть и к родному деду, но все-таки человеку незнакомому и пожилому, не совсем прилично. Да еще эта его жена! Вдруг она начнет вопить и ругаться?

– Отложу визит до утра!

После этого, сама поражаясь своему благоразумию, Вика быстренько запихала в чуланчик все вытащенные из него вещички, не слишком заботясь о том, чтобы они стояли ровно. Себе она оставила только пачку писем своего деда. Они всерьез заинтересовали ее, и она собиралась перед сном еще почитать их.

Однако едва только ее голова коснулась подушки, как сладкий крепкий сон охватил Вику своими цепкими щупальцами. Во сне она видела все того же мужчину с печальным взглядом. Он смотрел на внучку и качал головой. Только теперь рядом с ним стояла Викина бабушка. И тоже качала головой, словно предостерегая ее от того шага, который собиралась предпринять девушка.

Глава 2

Мариша проводила Смайла на работу, закрыла за мужем дверь и задумалась. С чего начать генеральную уборку своей немаленькой и весьма захламленной квартиры? С чистки ковров? Или сначала вытереть пыль? А может быть, все-таки помыть посуду или пол?

И уже в который раз Мариша ощутила смутное недовольство тем, что родилась женщиной. А также этим миром, в котором женской работой всегда считалась уборка, уход за детьми и прочая рутина.

– Если уж на то пошло, то я бы лучше раз в год вбила гвоздь или починила полочку, чем изо дня в день стоять у мойки и у плиты.

Впрочем, Марише грех было жаловаться. Смайл в их семейной жизни взял на себя все кулинарные проблемы. Не сразу, конечно, но когда понял, что Маришина стряпня никак не переходит из количества в качество, тут он сдался. Записался на кулинарные курсы и выучился очень даже вкусно готовить. И даже сейчас, когда Смайл открыл свой маленький бизнес по катанию граждан на двухместных самолетиках над городом, он продолжал исправно готовить обед, завтрак и даже ужин.

Так что к плите Мариша почти совсем не подходила. Смайл не выносил, когда она до нее дотрагивалась. Утверждал, что плита после этого начинает плохо работать. А уж уборка, стирка и прочее оставались на совести Мариши. Она считала это справедливым. Но...

– Но я даже с этим не справляюсь!

Ну, с посудой, которая накопилась в кухонной раковине и на столе возле нее, Мариша расправилась быстро. Она запихнула ее в посудомоечную машину, протерла тряпочкой стол и сочла свой долг по отношению к кастрюлям, сковородкам, чашкам, тарелкам и вилкам выполненным. Но как быть с остальной квартирой? Приведенный в порядок кусочек кухни был просто невыносимо мал по сравнению со всем неубранным пространством.

– Что же мне делать?

Можно было взять в руки пылесос и решительно приступить к уборке, закончив ее к ночи. Можно, да, можно было бы... И Мариша даже именно так и собиралась поступить. Честное слово! Она даже пошла в сторону прихожей, где в укромном закутке стоял пылесос. Пошла, да не дошла. И вовсе не лень стала тому виной. Просто в дверь позвонили.

– Ну вот! – обрадовано отскакивая подальше от пылесоса, воскликнула Мариша. – Никакого покоя! Только хотела заняться уборкой, как гости пожаловали! Не буду открывать!

Но звонок буквально разрывался на части. Кому-то позарез была нужна Мариша.

– Ладно уж! Иду! Кто там?

– Это я! Открывай! Скорей!

Мариша распахнула дверь, и в нее влетела Вика – ее старинная приятельница, с которой Мариша была знакома сто лет или даже чуть больше. Однако последнее время они виделись не часто. Вика была озабочена поиском жениха. Только этим одним! Все остальное воспринималось как досадная помеха на пути к достижению заветной цели.

На взгляд Мариши, девушке следовало бы для начала немного успокоиться, снизить планку и трезво взглянуть на себя. Потому что, занятая погоней, Вика совсем забывала о своей внешности. Но говорить Вике о том, что ей бы следовало для начала похудеть, немного привести себя в порядок, а потом уж гоняться за женихами, да и не исключительно за крутыми бизнесменами, а за мужчинами попроще, Мариша избегала.

Вика даже слышать ничего такого не хотела. У нее будет муж непременно богатый! Не нужен ей бедняк! Бедно она и с родителями прожить сможет. Она хочет богатого, чтобы обеспечить ей полноценную жизнь!

Но сейчас Вика выглядела просто странно. Волосы всклокочены, глаза вытаращены, а лицо попеременно заливает то краска, то мертвенная бледность. И слепой бы догадался, что Вика крайне взволнована. Поэтому Мариша, в душе не сомневаясь, что у Вики случился очередной облом на любовном фронте – жених разорился или просто оказался мерзавцем, – спросила:

– Что произошло? Он оказался женат?

Вика затрясла головой.

– Да, а еще его убили! Точно как и мою бабушку!

После этого она рухнула в кресло и застонала:

– Что происходит?! Что же это такое? Ничего не понимаю! Сначала бабушка! Теперь дед! За что их убили?

Мариша осторожно присела рядом и задумалась. Похоже, она слегка ошиблась. На сей раз речь пойдет не о женихе. Но при чем тут дед Вики? Насколько Мариша помнила, тот скончался от какой-то болячки много лет назад, еще до рождения самой Вики.

– Нет, – замотала головой Вика. – Тот человек не был моим дедом!

– Как это?

– А вот так!

– Но он ведь был женат на твоей бабушке?!

– Да. И что с того? Бабушка вышла за него, когда поняла, что беременна от другого.

– Зачем?

– Чтобы грех прикрыть! Чтобы люди в нее пальцем не тыкали, мол, внебрачного ребенка в подоле принесла. Ясно тебе? Чтобы у моей мамы была нормальная метрика с отцом в нужной графе.

– Разве это важно?

– Ясное дело, тогда было важно! И значит, у меня есть дедушка!

Нет, Марише ничего не было ясно. Какой еще второй дедушка? Оттуда он взялся?

– Рассказывай! – потребовала она у Вики. – Рассказывай, что произошло!

И Вика принялась рассказывать. Историю о том, как в бабушкином чемодане она нашла пачку любовных писем, Вика проскочила на едином дыхании. И все равно Мариша покачала головой:

– Никогда не следует читать чужие письма!

– Да ты слушай, что дальше было!

А дальше было следующее. Отлично выпавшаяся Вика не вняла предостережениям явившейся ей во сне родной бабушки и утром отправилась в гости к своему деду. Раздобыть его адрес не стоило никакого труда. Собственно говоря, Вика сомневалась, что у нее все получится гладко. Ведь последний адрес на конвертах хоть и был ленинградским, но с тех пор прошло много лет. Адресат мог переехать в другое место.

– Но с чего-то же нужно начинать! – решила Викуля и отправилась на свидание с человеком, которого теперь считала своим дедом.

Трудность заключалась еще и в том, что Викуля помнила о том, что у ее деда имеется законная супруга. А вполне возможно, дети и внуки. И как она объяснит им свое появление? Вряд ли они придут в восторг, узнав о существовании внебрачной родственницы.

– Как бы не напортить ничего человеку, – притормозила Вика, уже войдя во двор нужного ей дома.

Она походила по периметру двора, разглядывая самую обычную песочницу, превратившуюся от затяжного дождя в маленький пруд, сломанные качели и нуждающуюся в покраске шведскую стенку. Одним словом, ничего интересного. Обычный двор в довольно потрепанной временем, но все еще крепкой «сталинке». Ничего тут не подсказало Вике, как ей следует действовать дальше.

На конверте вместо полной подписи стояла красиво выписанная закорючка, что-то вроде Колыш с хвостиком. Или Калышев. Фамилия деда? А как его звали? Ни в одном письме мужчина не подписывался своим именем. Писал: твой милый друг. Или: твой любящий муж. Или что-нибудь в этом роде. Но никаких имен.

– Ладно, зайду в дом, покажу подпись на конверте. А если будут спрашивать, зачем мне нужен этот человек, совру, что на почте произошла путаница. В любом случае что-нибудь я там узнаю.

И Вика начала подниматься на четвертый этаж. Нужная ей дверь оказалась обитой красивыми панелями из МДФ. И табличка была новенькой, латунной. И звонок заиграл мелодично, лаская слух. Да и молодой человек, который открыл Вике дверь, был под стать этой двери. Вылизанный до блеска, холеный и гладкий.

– Калышев? – переспросил он. – Нет, вы не ошиблись. Это наша семейная фамилия.

Ура! С первого же выстрела попадание в яблочко! Но этот молодой человек никак не мог быть тем Калышевым, который был нужен Вике. Тому должно быть лет семьдесят. Или около того.

– Дедушка? – переспросил молодой человек. – Разве вы не знаете? Он скончался год назад.

Год! Целый год! Но, минуточку, ведь и Викина бабушка погибла тогда же. Ах, как это романтично. Они любили друг друга всю жизнь, но не могли быть вместе. И лишь смерть соединила их.

– Да, дед погиб тридцатого мая, – произнес молодой человек, и Вика буквально похолодела.

Тридцатого мая погибла и ее бабушка! И тоже год назад. Выходит, бабушка и ее любовник погибли в один и тот же день? Просто день в день? Но это невозможно! Конечно, Вика допускала мысль о родстве душ и о том, что искренне любящие люди следуют друг за другом до самого конца, пусть даже и в могилу. Но не в один же день! Все-таки надо дать судьбе хотя бы маленькую передышку.

– А как он погиб? – выдавила из себя Вика.

Молодой человек смерил ее удивленным взглядом. «Сейчас поинтересуется, какого черта мне это надо!» – мелькнула в голове у Вики шальная мысль. Но молодой человек ничего такого не спросил и просто ответил:

– Дедушку сбила машина!

У Вики перед глазами все поплыло. Ведь и ее бабушку тоже сбила машина. Что же это делается на свете?

– Дед переходил на красный свет, – монотонно рассказывал Вике молодой человек, совершенно не обращая внимания на ее состояние. – Да и со зрением у него в последнее время стало неважно. Вот и не заметил грузовика.

Ах, нет! Бабушку задавила обычная легковушка. «Жигули» пятой или седьмой модели. Точно никто из очевидцев не помнил. Но то, что это был не грузовик, могли поручиться все свидетели. А Вика уже начала думать, что бабулю и ее любовника сбила одна и та же машина. В принципе, это было бы вполне логично. Ну да, бабуля с дедулей шли себе под ручку, наслаждаясь очередным свиданием. У обоих со зрением было не очень хорошо. Вдобавок увлечены беседой. Вот и пошли на красный свет. А тут из-за поворота машина.

Но... Но раз машины были разные, значит, и гуляли дедуля с бабуля каждый сам по себе. И тем не менее... В один и тот же день оба погибли.

– А где это случилось?

– Да тут, возле дома.

Бабушку машина тоже сбила возле дома. Только возле ее собственного дома, в трех остановках метро отсюда.

– Вам все ясно? – спросил у девушки молодой человек. – Дедушка погиб.

Вика кивнула. Хотя единственное, что ей было ясно, это то, что ей ничего не ясно. Что произошло с ее бабушкой и человеком, который являлся ее настоящим дедом? Почему они погибли в один день? Кто организовал наезд? Верней, наезды.

– А преступника нашли?

– Вы имеете в виду шофера, совершившего наезд?

– Да.

– Никого не нашли. Машина была угнана от соседнего дома. А сам хозяин лежал в это время в больнице с острым приступом холецистита. Ключи никому не давал. Посторонних к рулю не подпускал. Поэтому следствие зашло в тупик и прекратило расследование.

И в случае с Викиной бабушкой следствие также зашло в тупик! Просто феноменальная схожесть! Живут себе двое немолодых уже людей, любящие друг друга всю жизнь. А потом в один далеко не прекрасный день дружно попадают под машины и гибнут. И это совпадение невольно наводит на мысль: а совпадение ли это? Может быть, бабушку и деда просто убили?

Эта мысль только мелькнула в голове у Вики. Но внезапно девушка почувствовала слабость, головокружение, и весь мир стремительно начал терять свои краски. Последним, что она помнила, был стремительно приближающийся к ней пол лестничной клетки.

Очнулась Вика от того, что кто-то бережно похлопывал ее по щекам, дул в лицо и плескал прохладной водой. Открыв глаза, Вика обнаружила, что находится в большой комнате, обставленной старинной мебелью с множеством фарфоровых безделушек за стеклянными дверцами.

– Где я? – прошептала она едва слышно.

– У нас дома.

Вика скосила глаза и увидела того самого молодого человека, с которым разговаривала в дверях.

– Что со мной случилось?

– Вы упали в обморок. И я перенес вас на диван. Вам лучше?

Вика кивнула и попыталась сесть. Но мир немедленно стал вращаться со страшной силой. И девушка снова откинулась на подушки.

– Ой! – воскликнула она. – Что это со мной?

– Похоже, вас очень испугала смерть моего дедушки. Скажите, вы были близко с ним знакомы?

Вика молча помотала головой.

– Жаль, – расстроился молодой человек. – Мне бы хотелось поговорить с кем-нибудь, кто бы хорошо знал деда.

– Другими словами, вы сами его не знали?

– Увы, почти совсем не знал.

– Как же это? – изумилась Вика.

– А вот так. Вообще-то это был не мой родной, а двоюродный дедушка.

– Не родной?

– Нет. Своих внуков у Льва Илларионовича не было. Впрочем, как и детей.

– Не было?

– Никаких близких родственников. Только он и Майя.

– Это кто?

– Его жена.

– А она?..

– Скончалась еще раньше деда. Какая-то затяжная болезнь. Да и возраст у нее был уже более чем приличный.

Почему-то при мысли о том, что у ее деда не было никого близкого, на душе у Вики стало удивительно приятно.

– А вы?.. – спросила она. – Вы кто?

– Я всего лишь внук бабушки Тамары – сестры Льва Илларионовича. И живым своего двоюродного дедушку я видел всего лишь два раза, когда он проездом был у нас и заглянул в гости. Согласитесь, этого недостаточно, чтобы близко узнать человека.

– Да уж... Так вы с бабушкой не из Питера?

– Нет, бабушка умерла давно. А мы с мамой еще год назад жили в Вологде.

– Это ведь недалеко от Питера. По крайней мере, тоже Северо-Запад.

– И что?

– И дедушка приезжал к вам всего два раза?

Молодой человек, кажется, слегка смутился.

– Видите ли, – пробормотал он, – Лев Илларионович был очень занятым человеком. Военным. И вечно мотался по разным гарнизонам и военным объектам. Даже выйдя в отставку, он не оставил своей деятельности. А уж во время службы вообще отдыха не знал!

Так вот почему на конвертах все время были разные адреса! Этот Лев Илларионович был просто перекасти-поле. Вика прекрасно знала, какой беспокойной бывает жизнь у военных. Едва успеют освоиться на новом месте, навести уют в казенной квартире, устроить детей в школу, выяснить, где тут лучшие магазины или рынок, как их уже перебрасывают на новое место. Где весь быт приходится налаживать буквально с нуля.

Оставалось только удивляться, как при такой жизни Лев Илларионович находил место еще и для любви к Викиной бабушке. Увы, молодой человек, который приходился двоюродным внуком Льву Илларионовичу и, стало быть, был родственником самой Вики, ничего не мог сказать по этому поводу. Звали молодого человека Ваней. И, судя по всему, он был редкостным тюфяком. Конечно, Вика была рада, что он не оставил ее на лестнице. Но тоже ведь, если вдуматься, не дело – приводить в дом малознакомую девушку. И что с того, что она в обмороке? Вполне может притворяться!

Мариша выслушала рассказ Вики от начала до самого конца. И озабоченно нахмурилась:

– Другими словами, твой дед и твоя бабушка погибли в один и тот же день?

– Да.

– А спустя непродолжительное время квартиру твоего деда заняла его племянница с сыном?

– Да. Ваня сказал, что поскольку других родственников у Льва Илларионовича не было, то наследницей была признана его мать.

– И твой дед был богат?

– Судя по обстановке в квартире, да.

– А чем мать Вани занималась в своем родном городе?

– Была учительницей в школе.

– Какие классы?

– Начальные.

– А сейчас?

– Что сейчас?

– Сейчас она работает?

Вика растерялась.

– Не знаю. Как-то не спросила. Наверное, работает. А может быть, и нет. Какая разница?

– Разница в уровне жизни! – отрезала Мариша. – У учительницы начальных классов в городе Вологде он один. А у наследницы большой и богатой квартиры в центре Питера – другой! Квартира большая?

– Да.

– И мебель в ней дорогая?

– Да.

- Ковры, всякий там антиквариат, картины?
- Ну, я не очень разбираюсь в таких вещах, – пожала плечами Вика. – Но богато. Это уж точно!
- Все ясно, – кивнула головой Мариша. – Твой дед был человеком далеко не бедным.
- Ваня этого и не скрывал!
- Далеко не бедным, – продолжала рассуждать Мариша, словно не слыша приятельницу. – А может быть, даже и богатым. И вот он умирает, а его деньги и квартира достаются какой-то родне – седьмая вода на киселе!
- Ничего не на киселе! Ваня – его внук!
- Двоюродный! Да еще видел своего деда два раза в жизни! Нет уж! Ты как хочешь, а такое родство близким не назовешь!
- И что ты думаешь? Что это они с матерью убили моего дедушку?
- Твоего... М-м-м... Ну, насчет того, что дедушка был твоим, я бы не стала делать поспешных выводов.
- Да ты что! В письмах ясно говорилось: «моя дочка Олечка»! Моя мама была дочкой этого Льва Илларионовича. А значит, я его внучка!
- М-м-м...
- Что ты все время мычишь? – раздраженно спросила Вика у приятельницы.
- Мариша вздохнула, но все же ответила:
- Понимаешь, не всегда женщины говорят своим мужчинам правду о том, от кого на самом деле их ребенок.
- Ты хочешь сказать, что моя бабушка сознательно обманывала своего любовника? Сказала, что моя мама от него, а на самом деле... Да зачем ей это было надо?
- Ну, во-первых, она могла и сама искренне заблуждаться. А что касается, зачем ей это было надо, так это очень просто. Чтобы удержать и еще больше привязать мужчину к себе. Других детей у него, как я понимаю, не было. Так?
- Да.
- Ну вот, а тут дочка Олечка. Человеку приятно.
- Вика покачала головой.
- Я чувствую, что это был мой родной дед.
- Прямо смешно! – восхитилась Мариша. – Голос крови в тебе заговорил? А раньше он где был? Молчал в тряпочку?
- Я и раньше что-то такое чувствовала. Да! Чуть не забыла! Еще этот Ваня! Я же тебе не сказала!
- О чем?
- Мы с ним так похожи! Просто одно лицо, фигуры тоже похожи. Мне кажется, когда пришла его мать, она сразу все поняла!
- Услышав это, Мариша не удержалась и воскликнула:
- Что? Ты познакомилась с его матерью? Что же ты молчала до сих пор?!
- Я не молчала. Я так тебе и говорю.
- Говори!
- Мать у Вани оказалась женщиной невысокого роста, но решительной и энергичной. Насколько нерасторопен был Ваня, настолько деловита и инициативна была его мать. Она сразу же пожелала узнать, кто такая Вика. И что, собственно говоря, она делает в их доме.
- И что ты сказала? – встревожилась Мариша. – Надеюсь, не стала врать мамаше про письмо, которое много лет пролежало на почте, а теперь ты жаждешь его вручить адресату?
- Нет. Я сказала, что мой папа был должен Льву Илларионовичу некоторую сумму денег. Долго не получалось как-то. Но сейчас уехал и поручил мне передать этот долг.
- И она тебе поверила?

– Не знаю. Но деньги взять согласилась.

– Ты дала ей деньги?

– Еще не дала.

– Но пообещала? Зачем?

– Ну а как же? – растерялась Вика. – Надо же иметь предлог, чтобы заявиться еще раз.

– Зачем? Ты уже все узнала! Твой дед умер. Погиб. В его квартире живут практически чужие и тебе, и ему люди. Что тебе там делать?

Некоторое время Вика молчала. А потом, виновато покосившись на Маришу, пробормотала:

– Понимаю, ты будешь сердиться.

– Ну?

– Скажешь, что это сумасбродство!

– Что?

– Обвинишь меня в глупости!

– Почему?

Вика еще помолчала, словно набирая в легкие побольше воздуха. А потом выпалила:

– Я хочу выяснить, кто и почему убил мою бабушку и моего дедушку!

– Очень глупо!

– Вовсе нет!

– Глупо! Глупо! – настаивала Мариша. – Подумай сама, по факту их смерти было возбуждено уголовное дело. Менты по горячим следам ничего не нашли. С чего ты взяла, будто тебе повезет больше?

– Я уверена в этом.

– А если твоего деда убили его родственники?

– Ваня и Варвара Сергеевна?!

– Ах, она еще и Варвара Сергеевна? А ты знаешь, что если у человека имя и отчество начинаются с согласной буквы, то есть все шансы, что этот человек деспотичен, агрессивен и склонен к радикальным решениям.

– Нет, не может быть! Варвара Сергеевна очень энергичная, но она не убийца! Она мне намекнула, что менты уже допытывались у нее и у Вани насчет их алиби. И чтобы ты знала, оно у них в полном порядке!

– Подумаешь! Наняли кого-нибудь!

– Кого? – возмутилась Вика. – Кого могла нанять нищая учительница и ее рохля сынок? Ты бы его видела! Он настоящий увалень! Мамочка его балует так, что чуть ли не облизывает с головы до пяток!

Мариша пожала плечами.

– У тебя есть другие версии, кто мог убить твоего дедушку?

– Мне кажется, суть в том, что их убили одновременно. Бабуля и дедушка. Два пожилых любящих друг друга человека погибают в один день при схожих обстоятельствах.

– Да, если действовала Варвара Сергеевна и Ваня, то им убивать твою бабушку смысла никакого не было. Официально она была Льву Илларионовичу никем! И не могла претендовать на его наследство!

– Вот именно! Значит, действовал кто-то еще. Кто-то другой. Или другие.

– А ты не спросила, как наследники узнали о том, что стали наследниками?

– Варвара Сергеевна сказала, что им позвонили.

– Позвонили? Кто позвонил?

– Вроде бы менты. Искали близких родственников погибшего Льва Илларионовича. А в записной книжке у покойника был только один адрес – Варвары Сергеевны и Вани.

Мариша удивилась.

– Один адрес? Но так не бывает! За долгую жизнь у человека обычно скапливается великое множество адресов и телефонов!

– Дедушка не имел другой родни! Только жена покойница, сестра, тоже покойница, и ее дочь и внук!

– Но у него наверняка были друзья! Были старые сослуживцы! Наконец, была твоя бабушка! Где же были записаны адреса и телефоны всех этих людей?

Вика пожала плечами. Мол, сама понимаю, что все это странно, но что поделаешь. Ни словечка от себя не прибавила. Что сама узнала, то и тебе рассказываю.

– Слушай, – озадачилась Мариша, – а ведь это и в самом деле все очень странно.

– Так ты мне поможешь?

– В чем?

– В моем расследовании.

– Да что я могу?

– Ой, Мариша, не приbedняйся! – воскликнула Вика. – Все наши общие знакомые только и говорят о том, какая ты великая сыщица!

– Бессовестно врут!

– На твоём счету успешно раскрытых преступлений больше, чем на счету всего нашего отделения милиции!

– Глупости! Придумывают люди!

– Никто мне не поможет, только ты!

И Вика устремила на приятельницу такой умоляющий взгляд, что Мариша заколебалась. Может быть, не вредничать и помочь Вике? В смерти Викиных бабушки и дедушки было много непонятного. Даже загадочного. Как знать, может быть, пожилых людей и в самом деле убили?

– А чем занимался твой дед?

– Он был токарь.

– Да нет! Не этот, другой.

– Лев Илларионович?

– Да! Лев Илларионович! Чем он занимался?

– А-а-а... Не знаю. Впрочем, Ваня сказал, что он был военным.

– Должно быть, в большом чине, – задумалась Мариша. – Если богатые хоромы, то мог быть генералом. Спрошу у моего собственного деда. Он всю жизнь прослужил в разведке. Так что по долгу службы должен знать и про твоего Льва Илларионовича. А если даже и не слышал ничего, то может разузнать.

– Ой! – обрадовалась Вика. – Мариша! Ты и правда это для меня сделаешь?

– Чем смогу, помогу. А кстати, о Ване, ему сколько лет?

– На вид лет тридцать.

– Сколько?!

– Тридцать. Или чуть меньше. А что?

– По твоим словам я думала, что это маленький мальчик или, в крайнем случае, юноша.

– Но он так выглядит и так себя ведет, что иначе о нем не скажешь. Ты бы его только видела!

– Что ж, – пробормотала Мариша. – Может быть, и повидаю.

– Что ты имеешь в виду?

Но Мариша не стала объяснять. Вместо этого она спросила:

– Он на улицу-то выходит, этот Ваня? Не знаешь?

– Как же, выходит! Каждое утро у него пробежка по парку.

– Пробежка? Ох, не люблю я бегать. Но ради дела могу и побегать. И во сколько?

– Около полудня.

– Ни фиги себе у парня утро начинается! – восхитилась Мариша. – Он что же, не работает?

– Насколько я поняла, нет.

– Совсем?

– Пока нет. Как сказала Варвара Сергеевна, мальчик в поиске. Он еще не определился, чем бы хотел заниматься в этой жизни.

– Ой, ой! – покачала головой Мариша. – Тридцать лет и не определился? Да уж, трудненько этой тетке приходилось с таким сынулей. На одну-то учительскую зарплату особенно не разбежишься. И наследство твоего деда должно было стать для нее просто спасательным кругом.

Глава 3

На следующее утро Смайл стал свидетелем удивительного события. После второго завтрака, который состоял из горячих сосисок с консервированным зеленым горошком и горчицей и маленьких бутербродов с паштетом из мяса дикой птицы, его жена вдруг принялась собирать свои спортивные вещи. Ввиду малого и редкого их использования, вещи валялись по всей квартире в разных местах. И Мариша блуждала из комнаты в комнату, пытаясь отыскать то кроссовки, то спортивный костюм, то повязку на голову.

Смайл откровенно недоумевал.

– Куда ты собралась?

– Так, – уклончиво отвечала жена. – Хочу побегать. Ты ведь сегодня занят?

– Как всегда. Работаю.

– Ну вот, а у меня выходной. Хочу использовать его на всю катушку.

– Выходной?

– Что ты так удивляешься? – рассеянно произнесла жена. – Я сама себе хозяйка. Хочу – иду на работу, хочу – делаю себе выходной.

– Я тоже могу! – оживился Смайл. – Может быть, проведем выходной день вместе?

– Не стоит! Я иду бегать в парк. Я же тебе сказала!

– Раньше ты предпочитала шопинг или шла на какую-нибудь модную выставку со своими подружками.

– Времена меняются, – все еще рассеянно отозвалась жена, озабоченная тем, что обе найденные ею кроссовки оказались почему-то на правую ногу. – И мы меняемся вместе с ними.

Смайл проводил жену задумчивым взглядом. Бегать! В парке! Не иначе, снова впуталась в какое-то расследование. И что затеяла на этот раз? Кто к ним вчера приходил? Вика? Немного подумав, Смайл подошел к телефону и набрал номер Вики. Дома у девушки никто не ответил, что лишний раз убедило Смайла в том, что он прав в своих подозрениях.

Но Смайл уже знал: переубеждать жену, если она для себя что-то твердо решила, – зряшное дело. Пусть поступает, как считает нужным. И ничего-то в ней не меняется, напрасно это Мариша сегодня сказала. Может быть, времена и меняются, а вот она – точно нет.

Пока Смайл все еще сидел, раздумывая, что там затеяла его жена на этот раз, сама Мариша уже активно носилась по парку, высматривая молодого человека в спортивном костюме, похожего на Вику. Таковых что-то не находилось. Вообще, в полдень в парке было мало желающих бегать. Можно сказать, никого, кроме самой Мариши, и не было.

Над городом снова сгустилась июльская жара. И все нормальные люди сидели возле небольшого пруда, время от времени окунаясь в прохладную воду. Но Вика сказала, что Ваня будет бегать. И Мариша послушно носилась кругами по парку. Наконец она поняла, что либо чего-то не поняла, либо Ваня не такой идиот, чтобы в жару носиться по парку.

– Черт бы его подрал! – проворчала Мариша и поплелась к пруду.

К этому времени она изрядно утомилась и вспотела от пробежки, так что окунуться и освежиться показалось прекрасной идеей.

Прудик был совсем маленький. И возле него хватало места только для некоторых счастливиц. Мариша быстро искупалась и принялась изучать молодых людей. У Вики были светлые прямые волосы, прямой нос и голубые, широко расставленные глаза. И когда Мариша наткнулась взглядом на такой же нос, глаза и волосы, она невольно вздрогнула. Вот что делает иной раз природа! Это же Вика, только в мужском обличье!

Мариша не стала задумываться, что делает Ваня у пруда, когда он, по оперативной информации, должен бегать по парку. Она просто протиснулась поближе к парню и принялась строить ему глазки. Ну да, а как еще познакомиться с ним? И глазки она строила вовсе не

ради удовольствия, а исключительно из чувства долга. И если перед Маришиным мысленным взором в этот момент и промелькнуло укоризненное лицо мужа, то она это видение быстро прогнала. Ведь не развлекается она здесь!

Хотя со стороны именно так и должно было показаться. Мариша громко хохотала, вызывая неодобрительные взгляды мамаш с детишками и заинтересованные – всех окружающих мужчин призывного возраста.

Ваня оказался именно таким, каким его и описывала Вика. Славным, но очень уж безынициативным.

Однако очень скоро Марише удалось завести с ним беседу и даже перевести в нужное ей русло. Но ничего нового она не узнала. Да, двоюродный дед у парня был. Ваня о его существовании знал. Но они с мамой были очень удивлены, когда им вдруг позвонил какой-то мужчина и представился следователем, пригласил в Питер для вступления в права наследования и решения прочих юридических вопросов.

Причем интересная деталь. Когда мать с сыном быстро собрались и приехали в Питер, они нашли квартиру Льва Илларионовича опечатанной. И никто из следователей не признался, что это он звонил наследникам.

– Так что нам еще два дня пришлось в гостинице жить, – жаловался Ваня. – Такие расходы! У вас тут цены просто атомные! Мы едва не разорились на этой гостинице!

Но сама квартира и ее обстановка произвели на Варвару Сергеевну с сыном ошеломляющее впечатление. И, как поняла Мариша, этим наследство не ограничилось. Имелось еще несколько счетов, которые были завещаны Варваре Сергеевне. В том числе и два валютных.

И все это богатство досталось молодому бездельнику и его мамаше.

– Наверное, твоя мама просто ликовала.

– Еще бы! – не стал кривить душой простак Ваня, успевший к этому времени выболтать Марише уже почти все семейные тайны. – Нам такие деньжищи и не снились!

– Чем же занимался твой дед?

– Он был военный, а в последнее время находился в отставке.

– Насколько я знаю, у военных пенсия совсем не так велика. Пенсия – она и есть пенсия. Прожить на нее можно, но не шикарно.

Ваня пожал плечами:

– Деньги у деда были. И никто на них не зарился. Все нам с мамой досталось. Правда, приходили какие-то люди, но их интересовали бумаги деда, а не его деньги.

– Люди? Какие люди?

– Ну, буквально на следующий день после того, как нам менты все же открыли квартиру деда и разрешили в ней жить, к нам явились двое мужиков.

Сначала Ваня с матерью струхнули. Очень уж у этих мужчин был серьезный вид. Серьезный и даже опасный. Но никакого вреда наследникам эти двое не причинили. Попросили разрешения посмотреть бумаги погибшего. И на большее не покушались.

– И вы разрешили?

– Конечно. Тем более ничего ценного там не было. Мама уже все проверила.

Молодец мама! Не успела вселиться в унаследованную квартирку, а уже и в бумагах старика пошуровала! Небось спать в ту ночь вовсе не ложилась. Так час за часом и просматривала ящики в шкафах и прочее.

Но, так или иначе, двое серьезных мужчин в строгих темных костюмах тоже ничего не нашли. Ушли они с каким-то обиженным видом. И твердили, что вскрыть и опустошить сейф мог только тот, кто знал его код.

– А что было в сейфе? – заинтересовалась Мариша.

– Точно не деньги. Потому что эти мужики особо подчеркнули, что ничего ценного они не заберут. Но мама им не поверила и все равно находилась рядом, когда они открывали сейф.

Так вот она могла подтвердить, что сейф, когда эти двое его открыли, был уже пуст. Там не было даже жалкого клочка бумаги. Не то что денег!

Вот как! Эти двое знали код от личного сейфа в доме Льва Илларионовича. Выходит, это были его близкие знакомые или сослуживцы. И, наверное, в сейфе хранились рабочие бумаги погибшего.

Ваня был явно не прочь продолжить приятное знакомство. Но Мариша уже потеряла к парню интерес. Он рассказал ей все, что знал про своего деда. Теперь было бы хорошо взглянуть на саму квартиру. А как это сделать? Ах да! Чего уж проще! Надо напроситься в гости к Ване.

Тот сначала не поверил своему счастью.

– Ко мне? – вытаращил он глаза на Маришу. – Ты шутишь?

– А что? Твоя мама скоро вернется?

– Нет, нет! Ее не будет до позднего вечера. Но... А, ладно! Пошли!

И они пошли. Кто бы видел Маришу! Познакомилась в парке со смазливym бездельником и теперь идет к нему в гости в пустую квартиру. И это замужняя женщина, любящая своего мужа и считающая себя глубоко порядочной по отношению к нему. Но у Мариши всегда была своя собственная шкала оценки своих действий. И сейчас из десяти баллов она могла бы поставить себе девять. Если бы еще, оказавшись в квартире Льва Илларионовича, она смогла бы избавиться от Вани хоть ненадолго, тогда бы была полная «десяточка».

Квартирка оказалась в самом деле богатой. По самым предварительным оценкам, весь этот антиквариат и мебель, которой были забиты комнаты, тянула на ту же стоимость, что и сама квартира. Да, молодец дедушка Вики. И все-таки жаль, что Вике ничего не обломилось, а все досталось бездельнику Ване и его оборотистой мамаше.

– Слушай, а давай попьем кофе, – предложила Мариша. – Кофе есть? А тортика что, нету? Фи! Я хочу тортика!

– У нас есть сухой вафельный!

Но Мариша фыркнула с таким пренебрежением, что Ваня мигом смекнул: он допустил промашку. Такой девушке вафельные тортики не предлагают. И так как Мариша выразительно молчала и ждала, он предложил:

– Я сбегая вниз? За тортом? У нас внизу чудесная кондитерская.

– Купи торт с безе, орехами и шоколадным кремом.

– А если такого не будет?

– Поищи! Что, в городе одна только кондитерская?

– Тогда я побежал?

– Беги! – милостиво отпустила его Мариша. – Я подожду тебя тут.

И она разместилась на огромном диване, соблазнительно закинув ногу за ногу. Ваня замер в дверях.

– Я жду! – напомнила ему Мариша.

– Я туда и сразу обратно!

– Можешь особенно не торопиться.

Но едва за Ваней захлопнулась входная дверь, как Мариша мигом ринулась с дивана. Итак, у нее есть от силы минут пятнадцать-двадцать. Вряд ли этот лентяй поспет в соседнюю кондитерскую. Судя по всему, ему лишних два шага сделать и то влом. Но плевать на него. Где же искать в первую очередь? Проблема заключалась еще и в том, что Мариша не знала, что именно она ищет. Фотографии? Документы? Дневник старика?

Ничего такого не находилось. В ящик стола было небрежно сброшено несколько старых, пожелтевших от времени фотографий в рамках, на которых высокий мужчина был запечатлен под руку с маленькой женщиной в неизменном беретике, который сопровождал ее из года в год, из десятилетия в десятилетие. Лицо у женщины было невыразительным и не сказать, чтобы

миловидным. Маленькие глазки, узкие губы, длинный нос. Сразу было видно, что она редкая брюзга, зануда, да и вредина порядочная.

У ее мужа вид был задумчивый, словно он и сам не понимал, что делает рядом с этой невзрачной особой.

На всякий случай Мариша прихватила для Вики одну фотографию ее деда вместе с рамкой, выбрав рамку, которая подешевле. Еще не хватало, чтобы ее обвинили в воровстве! Так! Это сделано. Что дальше? Где еще могут быть бумаги? Взгляд Мариши невольно уперся в двери кладовки. Ага! Вика говорила, что нашла письма Льва Илларионовича на самом верху кладовки ее бабушки. Так если старики были так близки, может быть, у них и привычки общие?

И Мариша устремила к кладовке. Распахнув ее, она замерла. Какой же тут был беспорядок! Сразу видно, что властная рука Варвары Сергеевны не добралась до этих залежей. Мариша принялась снимать вещи с полок. И так увлеклась, что обрушила одну из них. Надо же такому случиться, что именно в этот момент в дверь вошел Ваня с тортиком в руках. Вошел, увидел и замер на пороге.

Его новая знакомая стоит в явной растерянности перед дверью кладовки, а оттуда на нее сыпется разное барахло.

– Мариша! – закричал он, увидев, как прямо на голову его пассии пикирует внушительных размеров котелок. – Осторожней!

Позабыв про торт, который шлепнулся на пол, он подскочил к Марише и сильно дернул ее за руку. Очень вовремя, иначе котелок угодил бы прямо Марише по темечку.

– Уф! Как ты меня напугала! Что ты делаешь?

– Ошиблась дверью, – нашла Мариша. – Хотела найти ванную комнату. Открыла дверь, и на меня посыпались разные вещи!

– Ванная совсем в другой части квартиры.

– Но ты же мне не показал!

– Я не думал, что она тебе так экстренно понадобится.

– Надо было думать, – вредничала Мариша. – А где торт?

– Там.

Торт превратился в лепешку. Но Ваня о нем и не думал. Все его мысли были сосредоточены на том, что скажет теперь его мама, увидев разгром в коридоре.

– Она будет в ярости!

– Ты сказал, что твоя мама вернется только к вечеру.

– Ну да. И что?

– Так за это время мы уберем все вещи обратно!

Похоже, такая простая мысль Ване в голову просто не приходила. Да уж, редкий бездельник. Буквально пальцем не пошевелит. Так что Мариша даже не удивилась, когда все вещи ей пришлось запихивать в кладовку практически одной. Ваня под благовидным предлогом ускользнул от этой работы на кухню – заваривать чай.

Но Мариша не возражала, пусть будет чай, пусть кофе и торт. Лишь бы Ваня не болтался у нее под ногами, мешая рассматривать вещи в кладовке.

Перед тем как уйти на кухню, Ваня около четверти часа ходил вокруг шмякнувшегося на пол торта, пытаясь соскрести остатки с минимальными потерями. Сходил за блюдом, потом за подносом, потом приволок большую плоскую лопаточку, с помощью которой и перетащил днище коробки на поднос. Одним словом, суетился над тортиком по полной программе. На то, чтобы помыть потом руки и заварить чай, у него ушло еще полчаса.

В общем, где-то через час для чаепития у нерасторопного парня все было готово. Мариша к этому времени успела разобрать все вещи в кладовке. И нашла кое-что интересное для себя. Это была картонная коробочка, тщательно оклеенная бумагой. Можно было подумать, что там подарок или что-то в этом роде. Но разорвав обертку, Мариша с удивлением обнаружила, что в

коробочке лежит один-единственный ключ. Самый обычный ключ от ригельного замка. Длинный, с бороздками по краям.

У Мариши и у самой был когда-то в квартире такой замок. Так что она без труда догадалась, как должен выглядеть этот. Оставалось только понять, где находится этот замок. Держа в руках ключ, Мариша ощущала себя героем сказки про Буратино. Ключик у нее был, оставалось найти потайную дверцу.

– Мариша, ты идешь? – подал голос Ваня. – Чай уже готов!

– Иду, иду!

И, поспешно запихнув в кладовку оставшиеся вещи, Мариша быстро смыла с себя пыль и пошла на кухню.

– Хороший у вас в квартире ремонт, – похвалила Мариша обстановку, чтобы хоть что-то сказать. – Вы с мамой делали?

– Нет. Мы почти ничего не трогали. Только замки на дверях сменили.

Ага! Сменили замки! Может быть, ригельный ключ был как раз от входной двери самого Льва Илларионовича? Хотя зачем тогда прятать его в коробочку, да еще заботливо оклеивать сверху бумагой. Это же какая возня! Впрочем, каких только странностей не случается у одиноких людей. А Лев Илларионович, Мариша в этом почти не сомневалась, был очень, очень одинок. Даже когда его жена была еще жива.

– Наверное, бешеные деньги заплатили? – предположила она. – Обе двери у вас железные. Чтобы на таких дверях поставить новые замки, мастера ломают приличные суммы.

– Нет. Вовсе нет. Мы потратились только на замки. Мама купила их такой же конструкции, какие стояли у деда. Только резьба на ключах была другой. Но все входные отверстия совпадали, и обошлось нам это совсем недорого.

Вот как! Значит, ригельный ключ был не от входной двери Льва Илларионовича. Но откуда же он? Бумага на коробочке казалась совсем свежей, без пыли и паутины. Так что вряд ли коробочка пролежала в кладовке больше года. Возможно даже, что Лев Илларионович положил ее в кладовку незадолго до своей трагической смерти. А то и за день или за два до нее.

И Мариша подумала, что она очень даже хорошо сделала, стащив этот занятный ключ.

Чаепитие с Ваней и смятым тортом прошло очень мирно, несмотря на то что торт был вовсе не с безе, орехами и шоколадным кремом, а самый обычный бисквитный с кремом. Но Мариша не стала придирается. Сейчас торт интересовал ее в последнюю очередь.

Потом Мариша поблагодарила его и быстренько смоталась, оставив парня в явной растерянности. Он, правда, попытался полезть к Марише с глупостями и даже начал целоваться. Но, получив от нее дружеский, но недвусмысленно сильный тычок в солнечное сплетение, быстро отстал.

– Ну, какая ты! – с явным разочарованием протянул он. – Я для тебя и за тортиком сбегал, и чай приготовил.

– Тебе полезно двигаться! Ишь, разжирел!

И Мариша подхватила двумя пальцами дряблую складку на животе у парня. Ваня вырвался с явным недовольством. Надулся, словно маленький мальчик, не получивший обещанную конфетку. Ну, чисто детский сад. А ведь мужику уже сровнялось тридцать!

Выскочив на улицу, Мариша попыталась дозвониться до Вики. Может быть, она сможет как-то прояснить историю с ключом? Но у Вики было постоянно занято, а потом трубка внезапно оказалась вне зоны доступа.

– Интересное кино, куда же она делась?!

За день Мариша пыталась еще несколько раз дозвониться до Вики. Все бесполезно. Трубка была стабильно отключена. А ведь они с Викой договорились, что будут постоянно держать связь. И постепенно в душу к Марише стали закрадываться самые мрачные подозрения.

Да еще эта генеральная уборка, будь она неладна! Ну не могла Мариша заниматься мытьем полов и окон, когда с ее подругой явно что-то произошло.

Но в то же время Мариша понимала, что, если сегодня она не приведет квартиру в порядок, муж будет очень и очень ею недоволен. Он и так уже вчера намекнул супруге, что иной раз был бы не прочь получить пару чистых носков, рубашку и сесть за стол или прилечь на диван, не пытаясь перед этим разгрести себе на нем местечко попросторней.

Упреки Смайла были справедливы. Мариша и сама стала замечать, что пыль под кроватью, диванами и за ножками кресел и шкафов приобретает совсем уж катастрофическую плотность. Про окна и вспоминать не хотелось. В этом году весной Мариша их помыла, убив на это занятие целый чудесный солнечный день. Но уже через пару недель окна снова покрылись отвратительными разводами и пятнышками от дождевых капель. И сейчас стекла выглядели так, словно их никто и не мыл с прошлого, а то и с позапрошлого года.

Мариша честно попыталась помыть пол. Но только разлила воду, уронила швабру и удалилась о крышку трюмо.

– Господи, какая уж тут уборка! – воскликнула она в сердцах.

И, отшвырнув в одну сторону швабру, в другую отпихнув ведро, она наспех переоделась и выскочила из дома. Вика жила довольно далеко, так что в пути Мариша вдоволь настоялась в городских пробках. Ее красный «Форд» был довольно массивной и внушительной машиной. Так что в пробках Мариша получила свое по полной программе. Никто не желал ей уступать дорогу, никто не обращал внимания, что за рулем сидит женщина, определенно видная и даже красивая. Всем водителям было плевать на женскую красоту, они мечтали об одном – вырваться поскорей из пробки.

После унылого дождя над городом снова сверкало солнце. И влажная земля отдавала всю накопленную ею влагу в виде испарений. Дышать было тяжело. Да еще у горизонта снова стали собираться темные тучи, предвещая новый ливень. И все водители спешили побыстрее добраться до дома.

У дома Вики было тихо. Но, поднявшись на нужный этаж, Мариша замерла, словно громом пораженная. На двери Викиной квартиры красовались бумажные пломбы с печатями. Мариша отлично знала, что означают такие пломбы. Тут произошло преступление! С Викторией что-то случилось! Недаром у Мариши все из рук валялось!

И она принялась стучаться во все соседские квартиры подряд.

– Умоляю! – говорила она, надеясь, что соседи ее услышат. – Скажите, что случилось с Викторией? Она жива?

Наконец дверь одной из квартир открылась, и оттуда выглянула сухонькая старушка.

– Скажите, что тут произошло?! – кинулась к ней Мариша, указывая на опечатанную дверь Викиной квартиры.

– Тише, тише! – укоризненно покачала та головой. – Дорогая моя, нельзя же так беспардонно вести себя, в самом-то деле! Люди же вокруг, а вы кричите!

– Вика жива?

– Пока жива.

– А где она?

– В больнице.

– В какой?

– Понятия не имею, – пожала плечами старушка. – Я ей не родственница, просто соседка. Но увезли ее с черепно-мозговой травмой. Так что, я думаю, где-то в хирургии.

– На нее напали?! – ахнула Мариша.

– Да. На ее квартиру был совершен налет.

Спокойствие старушки, с которым она сделала это заявление, поражало. Бывают же такие вот личности. Прямо арктический лед, а не люди! Мариша попыталась взять себя в руки. И

хотя ее трясло от волнения, но голос ее звучал ровно. Старушка усилия девушки оценила. И рассказала все, что знала. Ровным, сухим голосом. Без эмоций, но и без фантазий.

Несчастье произошло сегодня около полудня. Как раз в тот момент, когда Мариша нарежала круги по парку в поисках Вани, в квартиру к Вике позвонили. Не подозревая ни о чем плохом, девушка подошла к двери. И, как водится, спросила, кто там.

– Почта.

Вике могли написать родители, так что она не особенно удивилась. Приоткрыла дверь, оставив цепочку, и приготовилась расписаться в почтовом извещении. Но ей этого сделать не дали. Едва Вика открыла замки, как цепочка лопнула от мощного удара. Дверь треснула Вика по лбу, и девушка отлетела в угол прихожей, так и затихнув там.

Собственно говоря, это было все, что могла поведать старушка-соседка. Милицию вызвала сама Вика, когда немного пришла в себя. А уж врачей вызвали менты, видя, что Вика вся в крови и явно нуждается в медицинской помощи.

– А что этим людям было нужно?

– Грабители, – пожал плечами старушка. – Что им может быть нужно от порядочных людей? Только их деньги! Лично я во избежание всяческих казусов не ленюсь и всегда сама хожу на почту за корреспонденцией. Если бы Вика последовала моему примеру, то ничего плохого с ней бы не случилось.

Что ж, оставалось только позавидовать разумности старушки. Но, выходя из Викиного дома, Мариша недоуменно хмыкнула. Бабка что, считает, что на улице она будет в полной безопасности? Грабители могут наведаться к ней только в дом? А на улице подойти постесняются?

Выйдя из дома, Мариша увидела женщину, чье лицо показалось ей знакомым. При виде нее женщина торопливо отвернулась и быстрыми шагами скрылась за углом. Томимая непонятным предчувствием, Мариша попыталась последовать за женщиной. Но та, словно привидение, уже растворилась в густой уличной толпе.

И все же Мариша готова была поклясться, что где-то видела эти густые рыжие волосы, эти холодные глаза и острый носик. И где-то совсем недавно.

– Где же? Где?..

И тут Маришу осенило! Ну конечно! Огромный художественно оформленный фотопортрет этой женщины висел в одной из комнат квартиры Льва Илларионовича. Мариша еще тогда предположила, что это портрет его племянницы – матери Вани, – и оказалась права. Но что Варвара Сергеевна делает возле дома Вики? И откуда она вообще знает, где та живет?

– Или мне это просто почудилось?

Мариша не знала, что и думать. Варвару ли она видела возле дома Вики или просто обозналась?

– Как жалко, что я ее упустила! Надо было догнать и убедиться, она ли это!

Но так или иначе, сделанного не воротишь. К тому же у Мариши было еще одно неотложное дело. Конечно, она узнала, что случилось с Викой. Оставалось только выяснить, куда именно увезли девушку, и навестить ее в больнице.

Логично предположить, что это могли знать менты из ближайшего к дому Вики отделения. И Мариша не ошиблась.

– А как же, лично девчонке врачей вызывали. На «Скорой» ее увезли. Сказали, что рваная рана, зашить нужно.

От этих подробностей Марише снова стало не по себе.

– Где? – слабым голосом пролепетала она. – Где ее будут зашивать?

– В Мариинскую повезли. Хирурги там, говорят, хорошие.

Больницу эту Мариша знала. Да и кто не знал? Туда свозили пострадавших от уличных драк и прочих несчастных случаев. Так что хирурги там в самом деле должны были набить

руку на операциях. Вот только оставаться долго в таком месте и с такими соседями Мариша бы никому не рекомендовала.

Вика нашлась уже в палате. Голова у нее была перебинтована, но девушка выглядела неплохо и даже улыбалась.

– Хирурги сказали, что шрама видно не будет! Он весь под волосами остался, – пояснила раненая.

– Господи, Вика! Как же это тебя угораздило?

– Сама не понимаю. За дверью вроде бы один человек стоял. А когда в квартиру ворвались, мама родная!

– Так ты их видела? А старуха соседка сказала, что ты сразу же, как тебя дверью двинуло, вырубилась.

– Не-а. Она просто не в курсе.

Оказалось, что удар в лоб Вику оглушил, но сознания не лишил. И она словно в замедленной съемке видела все, что происходило в ее квартире.

– Представляешь себе ситуацию! – волновалась Вика. – Вижу их, голубчиков, а поделаться ничего не могу!

– И много их было?

– Три человека.

– Ого! А описать их сможешь?

– Ну, вы вообще! Что ты, что менты! Как же я их опишу, если они все в черных масках были? Фигуры здоровенные. Верней, у двоих здоровые, а у третьего так себе. Маленький и толстенький. Только этот третий, сдается мне, он самый главный и был. Тем двоим именно он указания давал.

– Что за указания?

– Где искать. Велел поторапливаться. И за мной приглядывать.

– Ты его голос не узнала?

– Нет! – изумилась Вика. – С какой стати?

– Мало ли, – задумалась Мариша. – Вдруг знакомый?

– Нет, голос был мне незнаком.

– А что им было нужно? Ты хоть поняла?

– Вот это самое интересное! – оживилась Вика. – Представляешь, им были нужны письма моего деда!

– Письма? Но откуда эти люди узнали, что письма у тебя?

– Они и не знали. Просто требовали отдать им все бумаги, которые касаются моего деда.

– А ты что?

– Сначала попыталась дурочку свалить, – хмуро призналась Вика. – Мол, все документы и бумаги в ящике, где и остальные документы. Ну, они туда сунулись, а там свидетельство о смерти и все такое про моего настоящего деда. В смысле моего деда в законе.

– И что они?

– Ох! – болезненно сморщилась Вика. – Лучше и не вспоминай.

– Нет, скажи! Что они сделали?

– Ногами меня чуток попинали.

– Чуток?

– Они так сказали. Но, знаешь, мне хватило.

И Вика, задрав ужасную казенную рубашку, щедро украшенную серыми печатями больницы учреждения, продемонстрировала Марише свое нижнее белье в кружавчиках и совершенно синий бок.

– Ужас!

– Да нет, врачи сказали, ребра целы. И внутренних повреждений нет. Между прочим, те бандиты тоже мне так сказали. Что кости целы и что они меня просто для остротки побили. Но если я не передумаю и не верну им бумаги моего настоящего деда, то я всерьез пожалею.

– И ты отдала?

– Отдала, – угрюмо кивнула Вика. – А ты на моем месте стала бы упрямиться? Или ты думаешь, что лучше сохранить письма деда, но стать инвалидом?

– Ты поступила совершенно правильно!

– А письма...

– Что письма, ты же их уже прочитала?

– Не только прочитала, но и сняла ксерокс.

– Ах ты умница! – восхитилась Мариша. – И ксерокс эти типы не нашли?

– Не-а. Они же придурки. Как увидели пачку писем, так прямо обалдели от радости. Врезали мне по башке, чтобы шума не поднимала и дала им спокойно уйти, а сами слиняли.

– Сволочи! – совершенно искренне возмутилась Мариша. – Если мы их найдем, то они здорово пожалеют о том, что сделали с тобой!

– Да уж! Найдешь их! Как же!

– Мне кажется, у меня есть мыслишка, кто мог навести их на тебя.

– Да? И кто?

– Варвара Сергеевна!

И Мариша рассказала про странную встречу возле Викиного дома. Но Вика ей не поверила.

– Да ну-у! – протянула она разочарованно. – Чушь какая-то! Зачем Варваре Сергеевне следить за мной?

– Почему бы и нет? Уверена, она ни на минуту не поверила в ту сказку, которую ты ей преподнесла про долг Льву Илларионовичу и все такое.

– Почему?

– Да потому что вы с этим Ваней похожи, словно две капли воды.

– Ты его нашла?! – обрадовалась Вика.

– Нашла. И могу тебе сразу же сказать, любой дурак, увидев вас вместе, мигом бы смекнул, что перед ним близкие родственники! А эта твоя Варвара Сергеевна, судя по всему, далеко не дура!

– Почему это она вдруг моя?

– Твоя, твоя! Дед твой, значит, и его племянница тоже твоя родственница.

– Ну... И кто она мне?

– Тетя, я думаю. Двоюродная там или троюродная. Но не важно. Едва она увидела тебя, как сразу поняла: ага! Явилась еще одна наследница! Она за тобой проследила, когда ты возвращалась обратно домой. А потом навела на тебя этих головорезов.

– Зачем?

– Если бы ты не отдала им письма или если бы их у тебя просто не было, они бы тебя запросто могли убить.

– А Варваре Сергеевне зачем это нужно?

– Вот святая простота! – воскликнула Мариша. – Ты же тоже наследница! Наверное, она опасалась, что у тебя есть какие-нибудь документы, позволяющие тебе официально требовать свою часть наследства! Понимаешь?

– Так она не хотела делиться со мной?

– Ну да! Да и кто бы захотел! Сама подумай!

– Я бы отдала, – заявила Вика. – Если все честно и по справедливости, то почему бы не поделиться?

– Это ты у нас такая щедрая! А Варвара Сергеевна из другого теста слеплена. И потом, поставь себя на ее место. Она всю жизнь в бедности прожила. Сынок у нее, прямо сказать, неудачный. Муж вообще непонятно куда делся, во всяком случае, помощи от него не было никакой и никогда. Билась баба как рыба об лед. А тут вдруг ей на голову такое богатство свалилось! Наконец-то в сытости и достатке пожить можно! И за сына теперь волноваться не надо, пусть хоть целыми днями штаны у компьютера протирает да на диване валяется. Денег все равно хватит.

– И что? За это убивать? Я бы ни за что не стала!

– Разные бывают люди, – уклончиво ответила Мариша. – Но одно я тебе твердо говорю: эта Варвара Сергеевна не так проста, как ты про нее думаешь. И что-то мне сдается, она к получению наследства Льва Илларионовича имеет куда большее отношение, чем об этом известно ее сыну. Или чем он говорит нам!

И Мариша поднялась со стула.

– И куда ты теперь? – заволновалась Вика. – К Варваре Сергеевне? За правдой?

– Пока нет. Чтобы встретиться с этой женщиной, нужно иметь хоть какие-то козыри на руках. А у нас пока нет ничего. Писем твоего деда и то теперь нет. Только копии.

Вика покраснела.

– Я так виновата!

– Глупости. Жива осталась, и прекрасно! Тебе что-нибудь принести?

– Да! – оживилась Вика. – Соку. Пить все время хочется.

– Какого?

– Кисленького. И без мякоти. Не люблю с мякотью.

Мариша тоже не любила. Никогда ведь не знаешь, что там в этой мутной мякоти плавает помимо самого фрукта. По этой же причине она с недоверием относилась к супам-пюре, к котлетам из общепита и к прочим изделиям вроде колбасы, сосисок и сарделек. Ела, конечно, но каждый раз предавалась при этом мучительным сомнениям: а что же она все-таки ест-то?

Поэтому Вике она купила два напитка. Один – яблочный сок осветленный и прозрачный. А второй был клюквенный морс, тоже вещь простая и ясная. К тому же изготовители заявляли, что их напиток самый что ни на есть экологически чистый и здоровый. Никаких консервантов или стабилизаторов. Клюква из самых сибирских болот, где про удобрения, нитраты, фосфаты и прочую гадость слухом ни слыхивали.

Больная осталась довольна. И, с аппетитом жуя песочные печенюшки, которые Мариша принесла в комплекте с соком, заявила, что до завтра она отлично обойдется без Мариши. Та может идти и заниматься своими делами.

Глава 4

Вернувшись домой, Мариша обнаружила своего мужа, со странным видом рассматривающего брошенную возле ведра ворсистую швабру. Видимо, впопыхах Мариша перевернула ведро и сама этого не заметила. Так что на полу в центре комнаты образовалась приличная лужа. А паркет в этой луже заметно вздулся. Вот вам и хваленое европейское качество! Безобразие, а не качество!

Именно так Смайл и выразился:

– Безобразие!

– Совершенно с тобой согласна! – воскликнула Мариша. – Безобразие, какого низкого качества продукцию нам приходится приобретать по цене первой-классной! Немножко воды, а он уже весь вздулся!

Смайл кинул на нее странный взгляд и потопал на кухню, где занялся ужином. Мариша перевела дух. Ну, хоть за кухню она была спокойна. Комплекты чистой посуды еще не кончились. Честь и хвала посудомоечным машинам. Еще очень выручала стиралка и сушка.

Жаль, что в свободной продаже до сих пор не увидишь машину для мытья полов, глажки и вытирания пыли. Все это приходится делать с применением собственных драгоценных усилий. А разве это справедливо? Жизнь человеческая и без того коротка, чтобы тратить ее еще на всякую ерунду.

Кое-как собрав воду в ведро, Мариша пошла к мужу уговаривать того не сердиться. Но муж все равно выглядел задумчивым. Котлеты у него подгорели, а соус перестоялся. А это были весьма, весьма настораживающие признаки. Значит, Смайл был в задумчивом настроении. А Мариша по опыту знала – когда мужчина начинает раздумывать и задумываться, добра точно не жди. Обязательно надумает себе какую-нибудь чушь и будет потом с ней носиться как дурак с писаной торбой.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – спросил Смайл у жены, когда с невкусным ужином было покончено.

Сердце Мариши тревожно замерло. Так и есть, надумал что-то! Но ни в коем случае нельзя давать ему повод для еще больших раздумий. Нельзя говорить, что Вика в больнице, а ее квартира подверглась нападению грабителей, охотящихся за бумагами ее деда.

– Нет. Все в полном порядке, – бодро соврала Мариша.

– А как Вика?

– У нее все нормально. Считает, что ее дед на самом деле ей вовсе и не дед, а чужой человек.

– А где ее настоящий дед?

– Уже умер. Вика не успела с ним повидаться.

– Грустная история.

Это все, что сказал Смайл. После этого он взял в руки мобильник, в котором была мощная карта памяти, на которой он собрал около двухсот музыкальных клипов и фильмов. Да еще целую кучу прикольных картинок как эротического, так и комического содержания. Маришу эта фигня мало интересовала. И поэтому она не стала вместе со Смайлом копаться в его мобильнике, а позвонила своему собственному деду. В Москву.

– Он старый конь, борозды не испортит, – бормотала она себе под нос.

До деда удалось дозвониться только на его мобильный.

– А-а-а! – обрадовался дед звонку внучки. – А я в Интернете сижу, эрудицию повышаю!

Нет, люди точно сошли с ума! И дался им этот Интернет! Вышли бы на улицу, поговорили с живыми людьми, куда больше было бы и пользы, и интереса. Сама Мариша Интернету не доверяла. А уж болтовня в чатах вообще была, на ее взгляд, верхом глупости. Доверяешь какой-

нибудь милой девушке свои самые сокровенные секреты, а потом эта девушка оказывается здоровенным бородатым мужиком с приличными психическими отклонениями. Во всяком случае, собственный Маришин опыт пребывания в Интернете говорил именно об этом.

И надо ей было общаться с психом на протяжении почти месяца? Другого занятия не могла себе найти? Вот хотя бы даже помыть окна. Мариша кинула в сторону грязных стекол затравленный взгляд, но очень вовремя напомнила себе, что ночью окна не моют, грязи и разводов не видно. И на этом успокоилась.

– Чего звонишь-то? – поинтересовался тем временем у нее дед. – Случилось чего?

– С чего ты взял, будто бы случилось?

– А то я тебя не знаю! – усмехнулся дед. – Просто так никогда не позвонишь. Не поинтересуешься здоровьем, жив ли я еще.

Это была явная напраслина. И дед, и внучка прекрасно это знали. Просто деду нравилась эта игра, а Мариша не видела смысла, почему бы не подыграть старику. Тем более что сейчас ей в самом деле была нужна от него одна услуга.

– Ладно, дед, – засмеялась она. – На этот раз угадал. Ценю твою проницательность!

– Ну, я стреляный воробей! Меня на мякине не проведешь! Выкладывай!

– Мне надо узнать всю информацию про одного человека.

– И кто он?

– Дед моей подруги.

– Ого! И что же он натворил?

– Умер. Точней, его сбила машина. Но он был военный. Можешь про него разузнать побольше?

– Хм, диктуй фамилию, имя и отчество. А также все, что ты про него знаешь.

– Калышев, Лев Илларионович.

Потом Мариша продиктовала адрес, по которому жил Викин дед. И на этом затормозила. Больше она ничего не знала. Да, еще то, что он был военным! Но это она уже сказала.

– Этого вполне достаточно, – заверил ее дед. – Военных, которые бы на свою пенсию могли с такой роскошью обставлять свои хаты, не так уж много. Накопаям мы про вашего Льва Илларионовича, всю его подноготную узнаем.

Эти слова успокоили Маришу. Если уж ее дед за что-то брался, то доводил дело до конца. Этого достоинства у старика не отнять. И очень скоро они с Викой узнают про ее деда все. Откуда он родом, из какой семьи, где жил, воспитывался, где учился, как и где работал. Его личная жизнь, привычки и маленькие слабости тоже перестанут быть тайной. Более полного отчета не могла бы дать и родная жена о собственном муже.

Кстати, о мужьях! Смайл лежал в гостиной с таким мрачным видом, что Марише даже стало его жалко. Бедняга! Как он переживает, что у нее новое приключение. Может быть, посвятить его в детали? Но Мариша заранее знала, что он скажет. Сначала начнет бухтеть, что она его совершенно не любит, не слушает его советов, живет только своим умом и поэтому постоянно влипает в неприятности. Потом наябедничает на нее ее мамочке. И они примутся давить на Маришу уже вдвоем. Один будет ворчать, другая плакать. В результате они испортят нервы себе, ей и Вике.

А закончится все тем, что Смайл наложит строгое вето на это их расследование. Мариша, разумеется, его не послушает. Вспыхнет скандал. Смайл начнет собирать вещи, уходить из дома. Потом сменит гнев на милость, возьмет расследование на себя, отстранив от него Маришу. И это ей надо? Да ни за что! Пока что ситуация еще не стала настолько катастрофической, чтобы звать на помощь мужа.

Поэтому Мариша тихонько проскользнула в комнату и прилегла к мужу под бочок, что-то мурлыча о том, как она его любит, ценит, какой он умный, потрясающий и самый, самый лучший на свете. Но, странное дело, обычно безотказно срабатывающее средство на этот раз что-

то забуксовало. Смайл продолжал хмуриться. И на все ласковые словечки Мариши не выдавил из себя ни звука, ни улыбки.

На следующий день под угрозой краха личной жизни Мариша решила всерьез заняться наведением в доме чистоты и порядка. Пусть муж видит, какая она умница и чистюля! Пусть не думает, что она совсем забросила и его самого, и их милый уютный дом. Но стоило Марише взяться за злосчастную швабру, как раздался звонок Вики.

– Мариша, приезжай! Срочно!

– А что случилось?

– Срочно!

– Понимаешь, я полы мыть затеяла, уже воду налила, а...

– Какие полы! – заорала в трубку Вика. – Тут такое... такое... Варвара Сергеевна погибла! Только что! На моих глазах!

– Господи! Как это случилось?

– Приезжай, сама увидишь!

– А ты где?

– Где я могу быть?! Ну, ты вообще! – разозлилась Вика. – В больнице, в палате, на той самой кровати, где ты меня вчера и оставила!

– А Варвара Сергеевна?

– Она тут же! Под окном!

Больше Вика не желала ничего объяснять. И бросила трубку. Что оставалось делать Марише в такой ситуации? Домывать полы? Вот уж большей глупости точно не придумаешь! Разумеется, она оставила все как есть. И умчалась к Вике в больницу, надеясь, что по возвращении успеет все исправить и показаться перед мужем с хорошей стороны.

Вчера перед Викиной больницей было тихо и немногочленно. Но сегодня все изменилось. Народ активно толпился под окнами. Кто выглядел испуганным, кто был бледен, иные рыдали, а другие вытягивали шеи, чтобы получше рассмотреть нечто, скрытое от глаз Мариши толпой.

– Что случилось? – попыталась продраться она поближе. – Что тут?

– Женщину задавило.

– Насмерть!

– Может быть, еще и не насмерть.

– Ну, вы тоже скажете, не насмерть! Сразу понятно, что вы не видели, как ее подкинуло и проволокло. После такого в живых не остаются.

– Какую женщину? – допытывалась Мариша. – Кто-то из пациентов больницы?

– Нет. Одежда у нее не больничная. Просто посетительница.

– Какая посетительница! – снова завозмущались вокруг. – Часы посещения у нас с пяти до восьми. В другое время никого не пускают. Не посетительница она, так, просто шла. Мимо.

– Вон как оно бывает. Лежишь тут в больнице в этой, лежишь, все помереть никак не можешь. А человек просто мимо шел, раз – и готово!

– Мариша!

Девушка задрала голову и увидела в окне палаты Вику, которая энергично махала ей рукой.

– Видела?

– Что?

– Варвару Сергеевну! Это она там лежит!

И Вика взмахнула рукой к центру людской толпы. Мариша перевела взгляд туда и все поняла. Так вот кого задавили! Вот почему Вика сказала, что Варвара Сергеевна у нее под окном. Она тут и была, только мертвая, задавленная насмерть какой-то машиной.

– Поднимайся ко мне! – кричала тем временем Вика. – Я все тебе расскажу!

– Так не могу. Говорят, часы не приемные!

– Плевать! Вся охрана на месте аварии. Никого нету. Я сама только что вернулась с улицы. Поднимайся!

Мариша проскользнула в больничный холл. Тут в самом деле было пустынно. Все пациенты и медперсонал собрались на улице. Во всяком случае, никто не остановил Маришу, когда она поднималась на второй этаж. Вика уже ждала подругу.

– Ну, привет! – быстро чмокнула она Маришу в щеку. – Молодец, что прискакала. Иди сюда, сейчас я тебе ее покажу!

Она поманила Маришу к окну. Та выглянула, но увидела внизу человеческие головы и какое-то разноцветное тряпье на земле.

– Это она?

– Это и есть Варвара Сергеевна, – кивнула головой Вика. – Верней, то, что от нее осталось.

– Ох! Какой ужас!

– Ужас, и не говори! А я все это собственными глазами наблюдала!

И Вика начала рассказывать. Сегодня она проснулась рано. Так рано, что в палате еще все спали. Некоторое время Вика повертелась в кровати, потом встала, попила воды, умылась, привела себя в порядок, позавтракала. Потом соседям стали отпускать процедуры – уколы, капельницы и прочее. Чтобы не тревожить людей в этот деликатный момент, Вика под села к окну и стала наблюдать за улицей.

Там жизнь кипела вовсю. Носились машины, сновали пешеходы, уличные торговцы предлагали свой товар, в витринах магазинов расставляли новую коллекцию летней одежды. Вика с жадным любопытством принялась следить за витриной, в которой продавщицы проворно наряжали один манекен в желтые брючки с черной маечкой и черной же кокетливой шляпкой, а другой – в пестрый сарафан с пышными оборками, с сумочкой из крокодиловой кожи и такими же босоножками.

– Красота! – восхищенно выдохнула Вика, подумав, что в этот магазин надо непременно наведаться.

Вдоволь налюбовавшись на витрину, девушка перевела взгляд на пешеходов. И невольно вздрогнула. Шедшая вдоль тротуара на противоположной стороне улицы женщина была ей знакома. Вика готова была поклясться, что это именно Варвара Сергеевна. Ее рыжие волосы, ее быстрая энергичная походка и маленькие ручки, цепко держащие огромную, по последней моде, сумку.

Вика еще успела подумать, что, хотя в средствах Варвара Сергеевна нынче не стеснена, со вкусом у нее полная беда. Разве можно небольшого роста женщине покупать такие сумки? У нее же вид домохозяйки, отправившейся с кошелкой на базар! Маленьким женщинам нужно помнить, что они маленькие. И не надо напяливать на себя балахоны или огромные шляпы. Это комично и глупо. Если уж ты уродилась миниатюрной, то прими это как дар природы и пользуйся им. Носи облегающие костюмы, элегантные сумочки и маленькие кокетливые шляпки.

Но в следующий момент все эти соображения были вытеснены из Викиной головы одной простой мыслью. А что это делает Варвара Сергеевна тут в это время, возле ее больницы? Уж не к Вике ли она пожаловала? Девушка проследила за Варварой Сергеевной глазами. Так и есть! Женщина остановилась на противоположной стороне улицы и окинула здание больницы цепким взглядом, ступив на проезжую часть.

Никакого пешеходного перехода поблизости не имелось. Но, видимо, Варвару Сергеевну это не смущало. Она была из тех людей, кто если уж что-то решил, то делает это незамедлительно, не задумываясь о последствиях. А последствия наступили незамедлительно. Неизвестно откуда появилась маршрутная «Газель» и понеслась прямо на Варвару Сергеевну.

– Ай! – невольно вскрикнула Вика, наблюдая за происходящим из окна палаты. – Осторожно! Варвара Сергеевна! Машина! Прямо за вами!

Но Варвара Сергеевна ее не услышала. Она целеустремленно продолжала переход в неположенном месте, двигаясь прямо под колеса машины. Заметила она ее слишком поздно. Шарахнулась в сторону, но водитель маршрутки тоже взял резко влево, поэтому получилось, что Варвара Сергеевна сама бросилась ему под колеса. Раздался ужасный звук удара, тело женщины подкинуло высоко в воздух, а потом она приземлилась на крышу «Газели», и ее подбросило еще раз, уже под колеса следующей за «Газелью» легковушки.

Та затормозила, а вот «Газель» умчалась прочь. Возле места аварии стал немедленно скапливаться народ. А побледневшая Вика тихо сползла с табуретки и пробралась к себе на кровать. Немного отдышавшись, она позвонила Марише. А потом спустилась вниз, где лично убедилась, что была права. Погибшая женщина оказалась Варварой Сергеевной. И она была стопроцентно мертва. Диагноз поставил один из врачей больницы. Так что сомневаться в трагедии не приходилось.

Закончив свой рассказ, Вика посмотрела на подругу. Глаза у нее лихорадочно блестели. А саму ее изрядно трясло от пережитого волнения.

– И что ты обо всем этом думаешь?

Мариша думала много разного. Но главная мысль была одна.

– Очень подозрительная смерть, – сказала она. – Сначала твой дед и бабушка гибнут под колесами машин. А теперь вот и Варвара Сергеевна.

– Я тоже об этом подумала.

– И что ей тут понадобилось?

– Наверное, она шла ко мне.

– Вот именно. Но зачем?

– Поговорить.

Поговорить! О чем поговорить? Что такого важного собиралась поведать Варвара Сергеевна своей родственнице?

– Теперь я почти уверена, что твоих дедушку с бабушкой убили. И Варвару Сергеевну тоже убили.

Вика побелела как полотно.

– Но за что?

– Этого я пока не знаю. А вот, наверное, Варвара Сергеевна знала или догадывалась. Поэтому ее и убрали.

– Кто? Кто мог это сделать?

Мариша пожала плечами. Может быть, те люди в черных масках, которые напали на Вику? Если им так были нужны бумаги Льва Илларионовича, что они решились на ограбление Викиной квартиры, они могли пойти и на более тяжкое преступление, на убийство.

– Недаром мне эта история с ее наследством сразу же не понравилась, – произнесла Мариша. – Странно как-то получилось.

– Что странно?

– Ну то, что твой дед, постоянно общаясь с любимой женщиной, имея дочь от нее, внучку, тебя то есть, завещание оставил на какую-то малоприятную племянницу, которую к тому же и видел-то всего два раза в жизни!

– Это он Ваню видел два раза в жизни, – возразила Вика. – А Варвару Сергеевну, может быть, и чаще.

– Ну, не два, четыре раза он ее видел! И что? Это основание, чтобы оставить все свое имущество не вам, а ей?

– И что ты думаешь?

– Ты как хочешь, а я думаю, что тут какая-то афера! Не могла Варвара Сергеевна вот так просто взять и получить наследство после твоего деда! Тут она что-то намутила!

– Что?

– Я не знаю. Но Ваня должен знать.

– Ваня? Да он же простачок!

– Каким бы простачком он ни был, кое-что о действиях своей мамули он должен знать.

Или хотя бы догадываться. Когда тебя выписывают?

Переход был настолько резким, что Вика вначале растерялась.

– Не знаю, – пробормотала она. – Вроде бы врачебного обхода сегодня еще не было.

– А как ты себя чувствуешь?

– Мутит немножко, когда хожу, а так нормально.

– Тогда собирайся, мы выписываемся.

– Как? – растерялась Вика. – Вот так без спросу?

– Одежду у тебя забрали?

– Нет. Тут она, в тумбочке.

– Ну, так переодевайся и пошли. Первую помощь они тебе оказали, голову зашили, спасибо им за это большое. Но дальше на казенных харчах тебе делать нечего. Надо успеть первыми сообщить Ване о трагической кончине его матери.

Ваню подруги нашли на том же самом месте возле водоема в парке. Марише на какое-то мгновение даже стало его жалко. Вот он лежит, разморенный солнцем, гладкое пузо выпятил, а не знает того, что его счастливым безмятежным денечкам под крылышком у любящей мамули пришел конец. Сиротка!

Но тут же Мариша спохватилась. Нашла сиротку! Да у этого детины могли быть уже свои дети школьного возраста. Так что нечего его жалеть. Надо брать дубину за шкурку и волочь на допрос, пока не очухался.

– Ванечка, – позвала Вика ласковым голосом.

Парень открыл глаза и с недовольным видом уставился на Вику.

– А-а-а... Привет! – произнес он. – Ты тут чего делаешь? Долг принесла? Так лучше отдай его матери.

Но тут его взгляд упал на Маришу, и Ванечка озадачился:

– А вы это чего? Вместе, что ли?

– Мужайся, Ванечка, – скорбно произнесла Вика. – Мужайся. У нас для тебя страшное известие.

– Что? Наш с мамулей банк прогорел? Мы с ней снова нищие?

– Нет. Хуже.

– Что же может быть хуже? – искренне удивился парень.

– Твоя мама... Она... она умерла.

И так как Ваня молчал, никак не реагируя на это известие, Вика торопливо заговорила сама:

– Ты только не плачь сейчас, твоей маме уже все равно не поможешь. Ее сбила машина. И несколько врачей констатировали ее смерть. Дело произошло возле больницы, но сделать было ничего нельзя. Ее сбило сразу и насмерть! Множественные переломы и внутреннее кровоизлияние...

Пока Вика торопливо выкладывала Ване трагические новости, он нащупал возле себя мобильный телефон и набрал какой-то номер.

– Алло, мама? – произнес он в трубку. – А... А позовите, пожалуйста, маму.

Видимо, в аварии телефон пострадал меньше, чем его владелица. Во всяком случае, Ване удалось связаться со следователем по фамилии Прохоров, которому поручили это дело вместе с телом пострадавшей и ее вещами. Но следователь Прохоров ничем не порадовал парня. Он лишь повторил то же самое, что уже сказали ему подруги.

И Ваня выронил телефон из безвольно опущенной руки.

– Не могу поверить, – прошептал он. – Нет, это не может быть правдой.

– Ванечка, пойдем отсюда!

– Нет, не может этого быть! – твердил Ваня. – Она не могла умереть. Только не моя мама!

Повторяя эти слова, парень позволил себя одеть и увести из парка. Всю дорогу до дома он шагал, как сомнамбула, и повторял, что не верит, что этого быть не может и что все это ему снится. Да и дома просветления у него в мозгах не случилось. Ваня плюхнулся в кресло, все время повторяя одну и ту же фразу, уже порядком набившую подругам оскомину.

– Слушай! – встала напротив него Мариша. – То, что твоя мама погибла – это еще далеко не самое худшее!

Ваня поднял на нее растерянный взгляд.

– А? А что еще?

– Те люди, что убили ее, могут убить и тебя!

Вот тут Ваню проняло всерьез и надолго! От известия о матери он просто был в шоке, а тут его обуяла паника, он забегал по всему дому, судорожно размахивая руками и натываясь на мебель.

– Я погиб! Они и меня убьют! Ах, мама, мама! Что же ты наделала?!

При этом он трясся так откровенно, что его лицо стало напоминать лимонное желе. Желтое, трясущееся и довольно противное.

– Я не хочу умирать! – причитал Ваня. – Я жить хочу! Провались они пропадом, эти миллионы! Мне и того, что от деда досталось, на жизнь бы хватило! Ах, мама! Зачем ты влезла в эту историю!

Пока Ваня в отчаянии метался по квартире, подруги переглянулись. Похоже, они угадали верно. Варвара Сергеевна затеяла какую-то аферу, за которую и поплатилась жизнью. И сынок был отчасти в курсе мамочкиных планов. Поэтому сейчас так и трясется за свою шкуру.

– Знает кошка, чье мясо съела, – прошептала Вика.

А Мариша решительно перегородила Ване дорогу. Тот, ничего не видя перед собой, наткнулся на нее и рухнул наконец на услужливо подставленный ему Викой прямо под попу стул. И тут Ваня обессилел. Он закрыл лицо руками и зарыдал. По-настоящему! Слезы ручьем катились из-под его пальцев!

– Что же мне делать? – причитал он. – Какой ужас! Они меня точно убьют! Теперь уж совершенно точно!

– Есть выход! – внушительно произнесла Мариша, и Ваня перестал рыдать.

– Есть?

– Есть! Ты должен рассказать нам всю правду про этих людей.

– Но я ничего не знаю! Мама мне ничего конкретно не говорила о своих планах!

Этого подруги и боялись. Варвара Сергеевна не поставила сыночка в известность о своих планах.

– Но ты же только что твердил, будто знаешь, кто убил твою маму.

– В общих чертах!

– Так рассказывай!

И Ваня принялся рассказывать. Как подруги и ожидали, эта история уходила корнями еще в давнее прошлое, когда Ваня со своей мамой жили в городе Вологде и старались растянуть учительскую зарплату на месяц так, чтобы ее хватило им двоим. Честно говоря, зарплата у Варвары Сергеевны была не такая уж и маленькая. Вполне приличная зарплата для Вологды. Ведь Варвара Сергеевна подрабатывала, где только могла. И других учителей замечала, и кружки вела, и частные уроки имела.

Но все равно на двоих денег не хватало. Конечно, Ваня тоже мог бы поработать. Мог бы, да только, вот беда, ни в одном месте долго такого лодыря не держали, а под любым предлогом отказывались от его услуг.

Даже на охранника Ваня не потянул. Ну не мог он сидеть на одном месте много часов подряд. Засыпал. Да так крепко, что его и добудиться не могли. И работа заканчивалась для Вани очередным увольнением. И вот он уже снова лежит на своем продавленном диване, пялится в телевизор и мечтает о том времени, когда мама раздобудет достаточно денег, чтобы они могли купить спутниковую тарелку или подключиться к кабельному телевидению.

Вообще, все разговоры у Варвары Сергеевны сводились к тому, как бы раздобыть денег. Ни о чем другом она и думать не могла. Все ее заработки были, в общем, скудными. И поэтому Ваня откровенно удивился, когда однажды вечером мама вернулась домой вся сияющая и заявила, что они скоро будут богаты.

– Твой дед Лева оставит нам свои деньги. А их у него немало, можешь мне поверить!

– С чего бы это? – усомнился Ваня. – Он нас знать не хочет. Меня считает неисправимым лодырем, тебя авантюристкой. С чего бы ему нас осчастливить?

– Других-то наследников у старика нету, – загадочно ответила мать.

– Но дед Лева и помирать не собирается. Вполне крепкий старик.

– Как знать. Иной раз и молодые на тот свет попадают.

– Так это если их убивают, – протянул Ваня.

Варвара Сергеевна снова промолчала. Но выглядела она при этом такой торжественной, что у Вани зародились нехорошие опасения. Он начал присматривать за матерью. Но та из Вологды никуда не уезжала. И вообще, вела себя примерно. Работала как и прежде и странных разговоров о наследстве больше не заводила. И тем не менее совсем не удивилась, когда месяц спустя ей позвонили из Питера и пригласили приехать, чтобы вступить в права наследования квартирой дяди и его счетами на сберкнижках.

Ваню мать взяла с собой. И он отлично помнил, как трудно им пришлось вступить в эти самые права. Но тем не менее они в них вступили. Завещание покойного Льва Илларионовича, оформленное на Варвару Сергеевну, сделало свое дело. Варвара Сергеевна с сыном, торжествуя победу, вселилась в квартиру дяди.

И тут началось нечто странное. Те люди в темных строгих костюмах приходили к ним домой не раз и не два. Они обыскали всю квартиру сверху и донизу. А Варвара Сергеевна не только не протестовала, но даже и поощряла их.

Потом вместе с этими странными господами мама съездила в банк и показала им сейфы в хранилище, которые были записаны на Льва Илларионовича. Нашли ли там странные господа что-то для себя интересное, Ваня не знал. Но уже одно их присутствие у них в квартире ему очень не нравилось. Эти люди его откровенно пугали.

– Какого черта эти типы суют нос в наши дела? – допытывался он у матери. – Кто они такие?

Но Варвара Сергеевна в ответ только досадливо морщилась. И единственное, что услышал от нее Ваня, был совет замолчать и не соваться не в свое дело.

– Если бы не эти люди, не видать бы тебе ни квартиры деда, ни его денег! – коротко заявила Варвара Сергеевна сыну. – Чего тебе еще надо? Телевизор у тебя теперь самый лучший! Тарелку спутниковую я тебе купила. Из Интернета теперь часами не вылезает, я тебе и слова не говорю. Что тебе не нравится? Или хочешь назад в Вологду?

Так как Ване его новая жизнь очень даже нравилась и ни в какую Вологду он не хотел, то парень счел за лучшее благоразумно заткнуться. Постепенно визиты двух странных товарищей стали случаться все реже. А потом и вовсе прекратились. Ну а Варвара Сергеевна с сыном зажили себе припеваючи, тратя так легко доставшиеся им денежки и ни в чем себе не отказывая.

У самого Вани потребности были очень скромные. Трехразовая плотная еда, в промежутках бутерброды с нежным карбонадом или кусок торта, а кроме того, возможность целый день переползать от телевизора к компьютеру, а оттуда на диван. Варваре Сергеевне хотелось

большого. Она купила себе норковую шубу, стала посещать косметические салоны и постоянно бегала по шикарным новым магазинам в центре города.

Домой она теперь возвращалась с ворохом покупок. И вскоре Ваня стал замечать, что его мама хмурится точно так же, как в их бытность в Вологде.

– Деньги тают просто катастрофически быстро, – пожаловалась она однажды сыну. – Боюсь, что их надолго не хватит.

Ваню эти мамины слова откровенно удивили. От деда им досталось больше десяти тысяч долларов. Столько же евро. Какие-то счета в рублях. Да еще квартира со всей обстановкой! Можно жить и не тужить много лет! Во всяком случае он бы точно смог.

– Ты – да! – завелась Варвара Сергеевна. – А я – нет! Довольно я сэкономила копейки! Довольно жила в нищете! Теперь я узнала вкус другой жизни! И к прежней возвращаться не хочу!

– Нам надо быть скромней.

– Не хочу скромней! Хочу получить больше!

– Дед уже умер! – напомнил матери Ваня. – Других богатых родственников у нас нет. Так что другого наследства ждать не от кого.

– Как знать, – снова напустила на себя загадочный вид Варвара Сергеевна. – Как знать. Может быть, мы выгребли еще и не все захоронки твоего деда!

И вид у нее при этом был такой же таинственный, как и в тот раз, когда Варвара Сергеевна обещала Ване, что они скоро получают огромное наследство. Что же, спорить не приходилось, наследство они получили. Поэтому Ваня скромно промолчал. Может быть, и в этот раз у его мамы все выйдет путем? Пучком?

Глава 5

Но пучком не вышло. А вышло все очень вкривь и вкось.

– Сначала ты явилась! – уныло перечислял Ваня, глядя на Вику. – Мама сразу же смекнула, что ты никакая не должница. Мы же с тобой похожи, словно близнецы. Она об этом весь вечер только и твердила.

– И что с того? Что с того, что я к вам явилась?

– Сам не пойму, – промямлил Ваня. – Ну, родственница, ну, нашла нас. Что тут такого?

Но Варвара Сергеевна впала в панику. При Вике ей еще удавалось сдерживаться, но стоило девушке шагнуть за порог, как Варвара Сергеевна со стоном рухнула на пол.

– Все пропало! – причитала она. – Все пропало! Даже эти жалкие крохи и те у нас отнимут! Счета в банках заморозят! Квартиру придется поделить! Мы снова станем нищими!

После этого Варвара Сергеевна вскочила и резво помчалась следом за Викой.

– Я думал, что она хочет с тобой поговорить.

– Нет, она со мной не разговаривала.

– Странно. Мама вернулась поздно. И сказала, что теперь знает, где ты живешь.

– Так она следила за мной! – воскликнула Вика. – Очень мило!

Выяснив, где живет их родственница, Варвара Сергеевна снова унеслась куда-то из дома. Куда, она сыну не сказала. Только намекнула:

– Один раз эти люди уже помогли решить наши с тобой проблемы. Должны помочь и теперь!

Ваня остался дома у своего любимого телевизора. Но недобрые предчувствия не давали ему покоя. Во что впуталась его мама? Почему она так испугалась, когда увидела Вику и узнала в ней родственницу? Да и вообще, с чего Варвара Сергеевна была уверена, что к ним пожаловала именно родственница? Мало ли на свете похожих людей. Совсем ни к чему паниковать.

– Или твоя мама знала о существовании у твоего деда другой семьи, дочери и Вики – его внучки?

Ваня выглядел очень удивленным. Так, что девушки поняли: если Варвара Сергеевна и знала что-то про Вику и про роман ее бабушки со Львом Илларионовичем, то со своим сыном она тревогами не поделилась.

– А после того, как вы переехали в Питер, больше к вам никто не приходил?

– Нет. Никто не приходил.

– Только те двое мужчин в строгих костюмах?

– Да.

– А как их звали?

– Они не представились. Разговаривали только с мамой. На меня вообще внимания не обращали, будто бы я стул или табуретка какая-нибудь.

И, помолчав, Ваня неожиданно добавил:

– Приходить никто не приходил. Но вот звонили.

– Звонили? Кто?

– Не знаю. Какие-то люди. Мама с ними разговаривала и очень кричала.

– Что кричала?

– Чтобы они убились. Что она свои имущественные права отлично знает, что никакие самозванцы не отнимут у нее того, что принадлежит ей и ее сыну по праву родства.

– Это что, тоже были наследники?

– Видимо, – пожал плечами Ваня. – Мама бросила трубку, отключила телефон и пошла к себе. Но по дороге так громко ворчала, что я невольно услышал.

– Что? Что услышал?

– Ну, что деду следовало лучше следить за своими делишками. И что трое внебрачных детей – это для женатого человека уже слишком.

– Трое? – ахнули Мариша с Викой. – Не один ребенок? Трое?

– Мама сказала – трое.

Выходит, у Викиной мамы имелось еще два единокровных брата или сестры. И где же они? Почему не явились требовать свою часть наследства? Впрочем, судя по отповеди, которую им дала Варвара Сергеевна, явились. Но получили по носу и быстро отстали. В самом деле, если дети не были признаны отцом, то юридически доказать факт их родства со Львом Илларионовичем весьма и весьма проблематично. Наверное, наследники это тоже понимали. И решили не связываться с пробивной мадам, уже успевшей монополизировать владение квартирой Льва Илларионовича, его деньгами и прочими оставшимися после него ценностями.

– А как их найти, ты знаешь?

Ваня пожал плечами.

– Может быть, у мамы где-то записаны их координаты?

– Очень может быть. Потому что, когда они еще раз пробовали ее достать, она им пригрозила, что подаст на них жалобу в милицию. Что она знает, как их зовут и где их искать. А еще...

– Что – еще?

– Еще она сказала, что без завещания деда все их претензии бессмысленны. И она трижды советует им подумать, прежде чем начинать с ней склоку по поводу наследства.

Вот оно что! У Викиного деда было трое внебрачных детей! И двое из них претендовали на наследство. Интересно, почему Викина мама этого не сделала. Впрочем, ответ был прост. Викина мама не знала, что ее родной отец вовсе ей не отец. Но вот почему она этого не знала, это уже совсем другой вопрос.

Но пока что девушки вцепились в Ваню.

– Ищи записи своей мамы! В них могут быть не только телефоны и адреса родственников, но и намеки на то, как найти тех странных мужчин в костюмах.

– Ой, не хочу их искать! – испугался Ваня. – Я их боюсь!

– Чего ты боишься? Сам же говорил, они приходили к вам сюда много раз, но никого не тронули.

– Это когда было! Им тогда от мамы были нужны бумаги деда. Они их искали. А теперь ситуация могла измениться.

Девушки застыли словно громом пораженные. Бумаги деда! А ведь люди, напавшие на Вику в ее собственной квартире, тоже интересовались бумагами ее деда. Только ими и ничем другим. А вдруг эти люди и те господа в костюмах, что приходили к Варваре Сергеевне и общались с ней как со старой знакомой, это одни и те же персоны?

И что с того, что к Варваре Сергеевне они приходили в деловых костюмах, а к Вике пожаловали в черных масках? Долго ли переодеться? Вот и получилось, что страхи бедного Вани не напрасны. Если за бумагами Льва Илларионовича охотится одна и та же шайка, то люди в ней подобались серьезные, к шуткам не склонные. Вика это может доказать на своих собственных ребрах.

– Все равно, – отмерла Вика. – Сидеть сложа руки мы тоже не можем. Надо поискать записи Варвары Сергеевны. А вдруг в них разгадка того, кто ее убил? И мы запросто прищучим мерзавцев, а сами останемся целы и невредимы!

Эта идея насчет того, чтобы остаться целым и невредимым, пришлась трусоватому Ване как нельзя больше по сердцу.

– Ладно, – кивнул он. – Так и быть, поищем мамины записи. Только вы должны мне помочь!

О чем речь! Девушки ни о чем другом и не мечтали. Да и вообще, как можно доверить такому тьюфаку поиски чего-либо? Он просто заснет в самом их начале. А после побоится сказать правду и наврет, что искал, да ничего не нашел.

– Конечно, мы тебе поможем! – с жаром закивали подруги. – Ты можешь сам ничего даже не делать. Только говори, где нам искать.

Вот на это Ваня отлично годился. Можно сказать, он просто великолепно подходил на эту роль. Уютно устроился на диване, взял в кухне тарелку с нарезкой колбасы трех видов и, поглощая один ломтик за другим, принялся давать девушкам ценные указания. Смерть матери уже выветрилась из головы этого обалдуя. И он торопился удовлетворить свой разгоревшийся от перенесенного стресса аппетит.

– Мама бы меня не одобрила, если бы я остался голодным, – пробурчал он в свое оправдание, заметив косые взгляды подруг. – Хотите тоже кусочек?

От кусочка, тем более что на тарелке он и остался один-одинешенек, девушки отказались. Как бы они стали его делить? Так что Ваня запихнул его в рот и с довольным видом погладил себя по брюху. Но тут же его лицо приобрело задумчивое выражение.

– Ну, хорошо, – произнес он. – Колбасу я съел. Потом съем картофельную запеканку с грибным соусом, съем рассольник с курицей, который мама приготовила вчера, съем фруктовый салат и мороженое. А что же я буду кушать потом?

Его лицо исказилось от неподдельного страдания. Кажется, этот обалдуй в самом деле боялся умереть голодной смертью.

– Пойдешь в магазин и купишь себе полуфабрикаты, – посоветовала ему Мариша. – Пельмени, пицца, лазанья.

– Да всего и не упомнишь! – подхватила Вика. – Блинчики очень даже ничего. Конечно, не чета тем, что готовит моя мама, но если кушать сильно хочется, то отлично пойдут.

– Но это же все надо еще приготовить!

– Блинчики только обжарить остается. А остальное... Ну, там по рецепту или по вкусу. Можно просто сварить, можно в микроволновку засунуть, можно в пароварку.

Теперь лицо баловня отражало неподдельное отчаяние.

– Но я не умею!

– Что ты не умеешь?

– Ничего этого не умею!

– Газ включить и воду в ковшике на газ поставить не сумеешь?

Ваня судорожно замотал головой.

– Нет! Никогда этого не делал!

– Прекрати! – рассердилась на него Мариша. – Ты же поил меня чаем.

– Чай – это я умею! Чай – это совсем просто. Налил воды в чайник и нажал на кнопку.

А когда закипит, надо бросить в чашку пакетик и налить кипятку.

– Вот и молодец!

– Но я не могу питаться одним чаем! – взвыл Ваня. – Даже бутерброды я никогда не резал!

Парень был в таком отчаянии, какого не вызвало в нем даже известие о смерти матери и о том, что ему самому грозят бандиты. То ли бандиты казались ему менее страшными, чем голодная смерть, то ли Ваня, от природы глуповатый, сейчас отупел от паники.

И, чтобы его утешить, Вика пообещала:

– Я подарю тебе книгу по кулинарии.

– Серьезно?

– Да, что-нибудь простое, для начинающих.

– Ага, мне такое и надо! – оживился Ваня. – Только чтобы до свадьбы протянуть. А там уж Мила начнет меня кормить.

О-па! У подруг даже рты открылись! Еще и Мила какая-то нарисовалась. А эта фифа откуда взялась, интересно знать?

– Что за Мила? Рассказывай!

– Ну, Мила. Просто Мила. Мы с ней познакомились около месяца назад.

– И что? Ты ей, конечно, выболтал, что являешься богатым наследником?

– Да, – бесхитростно удивился Ваня. – А что, не надо было?

– Как знать, может, и не надо. А твоя мама знала про Милу?

– Конечно. Я их познакомил недели две назад.

– И Мила ей понравилась?

– Мама сказала, что если эта девушка возьмет меня к себе, будет кормить и заботиться обо мне, как она сама все эти годы, то она Милу полюбит как родную.

– Другими словами, маменька планировала выставить тебя жить к невесте?

– Да. Мама сказала, что молодым лучше жить отдельно.

– А у Милы есть такие условия?

– Что вы! – развеселился Ваня. – У нее в квартире трое братьев, и все женаты. И еще папа с мамой. И две старые бабки.

– Батюшки! – ахнула Мариша. – Где же вы там еще поместились бы?

– Не знаю я. Как-то не задумывался.

А вот Мила, подруги были в этом уверены на все сто процентов, задумывалась, да еще как. И ее родители, и братья тоже. А стало быть, кто-то из этой семейки мог и помочь Миле. Очистить ей, так сказать, семейное гнездышко от противной свекрови.

Жилищный вопрос в нашей стране до сих пор является основным для молодых семей. Никому не хочется жить с родителями, но многим приходится. Однако, если у Милы кроме родителей в квартире имелась еще куча родственников, то там молодым ловить было нечего. Зато у Вани ситуация была кардинально другой. Одна только мать.

– А твоя Мила не пыталась возражать против такого решения твоей мамы?

– Как же не пыталась! Пыталась.

– И что?

– И мама ей очень внятно объяснила, что наследницей деда Левы является она одна, самая близкая родственница. А я живу тут исключительно из-за ее любви ко мне. Наследовать же квартиру и все такое прочее могу только после смерти матери.

Вот оно что! Ох, не подписала ли милейшая Варвара Сергеевна этими словами смертный приговор самой себе. Но пока подруги не стали делать никаких выводов. Решили, что сначала познакомятся поближе с семейкой этой Милы. И посмотрят, что они за люди и что думают.

А поиски, которыми были заняты подруги, подошли к концу. Ничего интересного найдено не было. Записная книжка Варвары Сергеевны то ли находилась при ней и теперь была в руках у следователя, то ли завалялась еще где-то. Но дома ее точно не было.

Зато в ящике письменного стола девушки нашли странные квитанции переговоров по межгороду. Разговоры велись с домашнего телефона Льва Илларионовича, но не с Вологдой. Это Ваня девушкам гарантировал.

– Может быть, я чего-то в этой жизни и не знаю, но уж код родного города помню назубок. Это какой-то другой город.

Коды были двух видов. И оказалось, что один зарегистрирован на Тихвин, а второй на Псков. Оба города находились не так уж далеко от Питера, Тихвин вообще был в Ленинградской области. Но вот с кем там могла разговаривать Варвара Сергеевна?

– Никаких подруг у мамы не имелось. Кто и был, те остались в Вологде.

Версию о друге сердца Ваня тоже отверг весьма решительно.

– В жизни моей мамы был только один мужчина! – важно заявил он. – Это я сам! И она много раз говорила, что не выйдет замуж, пока не пристроит меня в надежные руки.

Варвара Сергеевна, похоже, была человеком долга. И раз уж породила на свет, а после воспитала такое на редкость бесполезное и беспомощное существо, которым был ее сынок, то явно считала себя за него в ответе. Поила, кормила и одевала бездельника. Вряд ли приходила от этого в восторг, но от дела не отвиливала. Собственная личная жизнь могла и подождать, пока сыночек найдет себе подходящую невесту и свалит к ней.

– Мы позвоним по этим телефонным номерам? – спросила Вика у Вани.

Тот равнодушно пожал плечами:

– Делайте что хотите. А я есть хочу.

– Так иди и поешь.

– Я не хочу холодную запеканку! – заканючил Ваня. – Я люблю теплую.

– Так подогрей!

– Я не умею!

– Вот горе луковое! – воскликнула Мариша. – Пошли, так и быть, покажу тебе, как греют запеканки.

Ведя парня на кухню, Мариша ощутила даже нечто вроде удовольствия. Все-таки приятно, что есть на свете люди, которые смыслят в кулинарии еще меньше ее самой. Конечно, страшно себе даже представить, как бы они ужились со Смайлом, если бы тот не научился готовить.

И при мысли о муже Мариша расчувствовалась. Милый, дорогой ее муженек! Как же он не похож на этого Ваню. И трудно даже себе представить девушку, которая добровольно согласилась бы выйти замуж за этого недотепу.

– Вот так включается твоя плита! – пояснила Мариша, щелкнув электроподжигом и повернув горелку.

На всякий случай она продемонстрировала эту операцию несколько раз. Ваня оказался способным учеником. Или это голод так обострил его умственные способности, но зажигать газ он научился всего с третьей попытки. Усвоил, что греть запеканку лучше всего на маленьком огне. И научился регулировать газ. На это ушло немного больше времени, но все же Ваня справился. Так что рассольник он водрузил на плиту уже самостоятельно. И посмотрел на Маришу с видом победителя.

– Молодец! – похвалила она его, поскольку тот, видимо, ждал именно такой реакции. – Ты справился!

– А это ничуть не трудно. Может быть, мне сегодня уже что-нибудь попробовать приготовить самому?

– Хорошенького понемножку! Сегодня у тебя полно еды. Грей ее, закрепляй полученные навыки. А приготовить мы попробуем завтра.

– А вы придете?

– Обязательно.

Пообещала ему это Мариша совершенно искренне. Не потому, что ее привлекало возиться с этим великовозрастным оболтусом. Просто могли появиться новости относительно того, кто же убил его мать. А раз так, то с Ваней следовало еще пообщаться.

– Мы с тобой еще увидимся, – заверила она его. – И не раз.

– Только смотри, как бы Мила тебя тут не застучала.

– Что?

– Ну да. Она у меня ревнивая. Поймет, что ты за мной приударить решила, живо глаза выцарапает!

У Мариши прямо челюсть отвисла. О, времена! О, нравы! И куда катится наш мир? Раньше женихи приударяли за невестами. А теперь парни считают чем-то само собой разумеющимся, что девушки будут ухаживать за ними. Да еще соревноваться друг с другом за право обладания таким призом.

- Думаю, что с Милой проблем не возникнет.
- Ты ее просто не знаешь. Она ужасно ревнивая. И нервная.
- Разберемся с твоей Милой. Ты пока ешь, а я пошла.

Вика уже дозвонилась по одному из телефонов. И сейчас страдала, не зная, кому звонит, куда звонит и что спросить у взявшего трубку человека. Наконец ее осенило.

– Скажите, – попросила она, – имя Варвары Сергеевны Цветковой вам о чем-нибудь говорит?

О-о-о! Судя по донесшейся из трубки брани, имя Варвары Сергеевны говорило о многом. Сначала Вика даже не могла вставить ни словечка в сплошной поток ругани. Но потом все-таки изловчилась и тихонько вякнула:

– Ну, вы не очень-то! Женщина погибла. А о мертвых, как известно, либо хорошее, либо ничего...

В трубке мгновенно наступила тишина. Вика даже немножко загордилась собой. Ишь, как быстро ей удалось усмирить грубияна. Мигом язык проглотил. Но потом она снова расстроилась. Ну, одумался мужик, так что с того? Ведь теперь из него и слова не вытянешь. Раз уж о мертвых или хорошее или ничего. Вот он и молчит.

Но оказалось, что молчал мужик совсем даже не поэтому.

- К-как умерла? – пробормотал он, запинаясь. – Когда?
- Сегодня.
- Как это случилось?
- Ее задавила машина.
- Точно? Это точная информация?

Судя по скорости, с какой собеседник выстреливал своими вопросами, вопрос жизни и смерти Варвары Сергеевны его интересовал необычайно. Поэтому Вика ответила:

– Все произошло у меня на глазах. А вы...

– Еду! – не дожидаясь продолжения, воскликнул мужчина. – Прямо сегодня еду! Завтра буду у вас. Может быть, уже сегодня!

И он бросил трубку. Когда Вика дозвонилась до него снова, то трубку никто не снял. То ли мужчина уже выскочил из квартиры, как и обещал, то ли был занят сборами и не слышал.

– Я так и не поняла, кто это был, – растерянно призналась Вика подруге. – Но, видимо, какой-то очень близкий Варваре Сергеевне человек.

- Звони по другому номеру!
- Может быть, лучше ты?
- Какая разница! – вспылила Мариша и схватила трубку.

Но по второму номеру в Пскове тоже никто не отвечал.

- Черт! – выругалась Мариша. – Что за невезуха! А что сказал тот мужик в Тихвине?
- Ты же все слышала!
- Все, да не все. Шуршало что-то сильно. Кто он ей?
- Этот мужчина? Может быть, родственник?

Пошли снова к Ване. Тот уже покончил с первой тарелкой рассольника, оставил грязную посуду в раковину и поедал теперь внушительный кусок картофельной запеканки. Девушкам присоединиться к застолью он не предложил. Видимо, ввиду надвигающегося на него гастрономического кризиса обычно не жадный Ваня решил быть экономным.

– Нет, – пробурчал он с набитым ртом. – Говорил вам уже, нет у нас ни в Тихвине, ни в Пскове никакой родни.

- Знакомые?
- И знакомых тоже нет!

Но кому-то Варвара Сергеевна в эти города звонила! И там ее отлично знали. Хотя, похоже, знали не с самой лучшей стороны. Но ведь знали, знали!

Однако от Вани в этом смысле проку было мало. И оставив его заедать свое горе запеченной со сметаной и густой грибной подливкой из белых грибов и лисичек, подружки ушли, предупредив парня, что он может звонить им в любое время дня и ночи, если возникнут какие-то осложнения или же появятся новости.

Домой Мариша не слишком-то торопилась. Во-первых, потому что муж должен был вернуться со своего аэродрома только поздно вечером. А до вечера была еще целая пропасть времени. И, уж конечно, Мариша знала, чем ее занять. В этом мире существует столько вещей, куда более интересных, чем мытье пола или окон.

– Прогуляюсь по магазинам, – решила она. – Давно этим не занималась.

Вика с ней идти отказалась.

– Плохо себя чувствую, – пояснила она. – Голова все-таки болит. И в сон клонит. Так что я лучше домой.

– Как хочешь. А мне надо подумать.

– И для этого ты идешь по магазинам? – удивилась Вика.

– Да. Хочешь верь, а хочешь – нет, но самые интересные мысли мне приходят в голову именно там.

– Ну что же... Тогда удачи тебе.

Мариша помахала ей рукой и отправилась в путь. Если кто-то думает, что поход по магазинам одежды и обуви – это приятное и легкое развлечение, тот жестоко ошибается. На самом деле это тяжелый труд, выматывающий последние силы и финансы. Ходьба из магазина в магазин, от одной примерочной к другой позволяет нарезать за день много десятков километров. Настоящий марафонский бег! Кроме того, чтобы купить пару приглянувшихся вещичек, приходится перемерить около десятка совсем тебе не подходящих. А это тоже труд. Руки вверх, руки вниз, повертеться на месте, снова вверх, снова вниз и так далее.

За целый день Мариша успела побывать на пяти распродажах, где купила теплый вязанный жилет Смайлсу на зиму, теплую же вязаную шапочку (пусть катается на лыжах!) и подарочный набор в виде шести водочных рюмочек, оправленных в гальванизированное серебро. И такой же графинчик. Все остальные пакеты принадлежали самой Марише. И вещей набралось изрядно.

Среди покупок была новая пышная юбка с воланами в цыганском стиле и узкий черный топик к ней. Было новое изумрудно-зеленое платье, которое (Мариша это знала совершенно точно) она никогда не наденет. Или рискнет один или два раза. Но тем не менее она его купила, потому что платье шло ей просто феноменально. И тот факт, что это было совсем не ее платье и чувствовала она себя в нем неудобно, погоды не делал. Мариша примерила его не меньше трех раз, ушла, потом вернулась, снова примерила, снова ушла, и наконец она его купила, чтобы перестать уже терзаться мыслями об этом платье и спокойно продолжить свой шопинг.

Потом она приобрела чудную сумочку из кожи под крокодила. Сумочка была тоже темно-зеленой и подходила к ее новому платью. Ну а раз уж была куплена сумочка, то пришлось купить в тон ей и туфли. Как же без туфель-то? И Мариша их купила. Правда, пришлось побегать, чтобы подобрать подходящий оттенок. Но зато, пока Мариша носилась по обувным магазинам, ей удалось купить по дешевке легкие тапочки, состоящие из почти плоской подошвы и трех разноцветных веревочек. Стоили они совсем уж смешную сумму, и Мариша не удержалась. Должна же она была себя как-то утешить, раз подходящие туфли все никак не находились!

Наконец нужные туфли были найдены. По дороге домой, уже вся обвешанная кулечками, свертками и пакетиками, Мариша обнаружила лавочку, где продавалась всевозможная бижутерия. Там Мариша провела без малого полтора часа, просто потому, что не могла оторваться от стендов с переливающимися браслетами, сверкающими серьгами, причудливой формы кольцами и перстнями, перламутровыми подвесками и бесконечными цепочками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.